

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
И ЦИВИЛИЗАЦИЙ
И РИТМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

THE INTERACTIONS OF ANCIENT CULTURES AND CIVILIZATIONS AND THE RHYTHMS OF CULTURAL GENESIS

Contributions of methodological seminar

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РИТМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Материалы методологического семинара

Памяти
Геннадия
Николаевича
КУРОЧКИНА
посвящается

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 13

Редакционная коллегия: В. М. Массон (отв. редактор),
В. С. Бочкарев, Г. Н. Курочкин А. Я. Щетенко

Издание осуществлено в рамках программы:
"Возрождение России и мировая цивилизация"

ISBN 5-201-01156-X

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Одним из труднопреодолимых последствий теоретического догматизма в отечественной исторической науке является формационный эволюционизм с детерминистской ориентацией. Его последствия ощутимы и в понятийной сетке, и в психологии поколений, формирование сознания которых протекало в соответствующей политико-идеологической ситуации. Определенную роль здесь сыграла и концепция Дарвина, согласно которой процесс видообразования протекает постепенно или градуалистически. Не отвергая этого типа развития современная биология ставит вопрос о том, что наряду с ним наблюдается прерывистое развитие или пунктуализм. В полной мере это касается и процесса культурогенеза. На методологическом семинаре "Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа", организованном в 1982 г. в Ереване, специально была представлена проблема прогресса и регресса как разных сторон диалектического развития древних обществ. Для различных регионов и макрорегионов можно говорить о смене прогрессивных и регрессивных тенденций, о своего рода ритмах культурогенеза.

Важным фактором и катализатором прогресса древних цивилизаций было взаимодействие разных культур и традиций. В этом отношении весьма показательна разработанная индийским ученым Б.Суббаро концепция о зонах относительной и абсолютной изоляции, в которых в силу ряда причин (географическая изоляция, политическая изоляция и т.д.) развитие приобретает либо замедленный характер, либо вращается гомеостатично в однажды заданных параметрах. В современной биологии это явление определяется как стастигенез - процесс длительного сохранения вида без прогрессивно направленного исторического развития и дивергенции. Он представлен немногими переживающими свой век представителями предковых групп. Типологически сходные процессы, видимо, происходили в обществе аборигенов Австралии. Традиционная, устойчиво сбалансированная экономика, способствовала сохранению традиционных структур, в резкой смене которых не было необходимости. В этом отношении достаточно показательны общества лесной зоны Восточной Европы сохранявшие традиционные системы ведения хозяйства и архаические формы культуры почти до II тыс. до н.э.

в то время как в Центральной и Западной Европе переход к земледелию и скотоводству стимулировал кардинальные перемены.

Сам процесс взаимодействия был достаточно сложным и принимал различные формы. Заимствование и использование уже сложившихся стандартов, обычно носило селективный характер и лишь позднее наступала структурная интеграция – органическое включение в основную систему данного общества. При этом налицо могла быть и реакция отторжения, вызванная рядом факторов, включая резко разнородный характер взаимодействующих обществ. Наряду с прямым влиянием или заимствованием особенно важен процесс культурной интеграции, не всегда учитываемый при изучении древней истории. Культурная интеграция, в отличие от других во многом механических явлений процесса взаимодействий, отражает движение культуры через трансформацию к качественно новому состоянию. В древней истории Европы это явление ярко представлено формированием кельтской цивилизации, развивавшейся на основе гальштаттско-латенских традиций с органическим включением ряда эталонов и стандартов греко-римской цивилизации. Вместе с тем необходимо отметить, что явление культурной интеграции характерно для достаточно развитых обществ с социальными системами, гибко реагирующими на возможность и необходимость адаптационных явлений. На ранних стадиях развития общества, наряду со слабым развитием чуткой интеллектуальной среды, функцию консерваторов и изолирующих барьеров играли традиции, судя по всему, особо устойчивые и отторгающие, как правило, внешние воздействия. В этом отношении особенно показательно близкое сосуществование разных типов культурных комплексов без признаков существенных заимствований в верхнем палеолите Костенковско-Борщевского района.

Взаимодействия могут носить на содержательном уровне различный характер, будучи связанными с технологическими инновациями, воздействием культурных стандартов и эталонов, или с интеллектуальным воздействием, особенно впечатляющим с формированием великих мировых религий – зороастризма, буддизма, христианства и ислама. В сфере культуры особое значение имеет феномен моды, когда распространение тех или иных стандартов диктуется мало изученными факторами социальной психологии. Важно отметить распространение стандартов и эталонов выполняющих престижную функцию. Так на Древнем Востоке сочетание золота и лазурита явно было символом

особой значимости, что видно и по знаменитым головам быков из царских гробниц Ура, и по золотой фигурке стрекозы с лазуритовыми глазами из богатой гробницы Гавры. Хорошо известно определяющее значение шумерских стандартов и эталонов от архитектуры до письменности для развития вторичных цивилизаций Малой Азии и Восточного Средиземноморья. Ряд стандартов, созданных в микенской цивилизации, стал эталоном для многих культур эпохи бронзы европейского материка особенно в сфере элитарной субкультуры, и в такой форме распространился вплоть до Южного Урала и Поволжья.

При интеллектуальных взаимодействиях могли распространяться как мировоззренческие установки и концепции, так и своего рода бродячие сюжеты, меняющие, при сохранении внешней формы, свою семантику. В этом отношении достаточно показателен широко обсуждавшийся в специальной литературе культ солнечной ладьи. Взаимодействие мощных блоков интеллектуальных традиций сказалось и при формировании зороастризма. При огромной роли мифологического и концепционального пласта индо-иранского мира, уходящего в традиции степной бронзы, показательно, что эта древнейшая мировая религия сформировалась не в этих степях, а в зоне высокоразвитых городских цивилизаций протобактрийского круга. Следует полагать, что соединение творческого импульса индо-иранских традиций и культурного и интеллектуального фона этих цивилизаций древневосточного типа стали той питательной средой, в которой сформировалось это выдающееся учение древнего мира.

Для самого механизма взаимодействий немаловажную роль играло развитие транспортных средств, материально обеспечивающих обменно-торговые связи. Особую роль здесь имели весельные, а затем и парусные суда, а также колесные экипажи. Сейчас совершенно ясно, что именно каботажное плавание обеспечивало взаимодействие шумерской и древнеиндийской цивилизаций. Новые исследования в зоне Персидского залива и на Аравийском полуострове открыли целый ряд хараппских факторий и, во всяком случае, устойчивых хараппских комплексов, включающих различные виды артефактов от керамики до надписей. Технологический анализ древнеиндийской керамики позволил выделить крупногабаритную тарную посуду, которая играла роль амфор для транспортировки жидких продуктов на значительные расстояния. При наличии подобных связей следует отметить, что хараппская цивилизация, в целом, сохраняла ярко самобытный облик будучи в культурном

и интеллектуальном аспекте равноправным партнером древнейшей цивилизации мира – шумерской. Легкие колесницы с конской запряжкой безусловно способствовали феномену относительно быстрого распространения новых стандартов и эталонов в степной бронзе Евразии в середине II тыс. до н.э.

Особенно примечателен в этом отношении мир ранних кочевников. Верховой конь не только стал основой новой военной тактики, но и, безусловно, способствовал почти мгновенному распространению новых культурных стандартов, ставших модой эпохи от Подунавья до Южного Китая.

Совершенно ясно, что взаимодействие и взаимообогащение были важным фактором на столбовой дорожке исторического прогресса. Именно на скрещении этих направляющих мы видим наивысшие достижения древних цивилизаций, тогда как даже высоко развитые центры в условиях культурной изоляции зачастую бесследно исчезают, не дав живительной поросли культурного наследия. Этот аспект исторического процесса имеет не только большое позвательное значение, но весьма существенен для выработки разумной стратегии человеческого общества в современном взбудораженном мире.

М.В.Аникович

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ И ОБОВЩАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ ("АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА", "ПУТЬ РАЗБИТИЯ" ("ТЕХНОКОМПЛЕКС"), "ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ")

Длительное время изучение каменных индустрий осуществлялось в рамках одного метода: типологического, ориентированного на построение дискретных классификаций, основанных на описании сходств / различий общих форм каменных артефактов и их деталей. В рамках этого метода, наряду с культурными нормами, рассматривались вопросы технологии производства и функции каменных орудий. Сравнительно недавно, по крайней мере, часть археологов стала приходить к выводу о том, что три основные составляющие единого процесса формообразования каменных орудий: культурная норма, технологическая необходимость, функциональная необходимость, – должны изучаться тремя самостоятельными методами (типологический, технологический, функциональный или трасологический), каждый

из которых обладает своей теоретической базой, системой понятий, методическими приемами и приводит к различным способам организации одного и того же материала: построению разных классификаций.

Вместе с тем результаты, достигнутые этими методами, будут по-настоящему значимы и действительны лишь тогда, когда они выразятся в едином знании о закономерностях формообразования, рассмотренного, в конечном счете, после необходимого аналитического разделения, как единый процесс. Таким образом, для сторонников рассматриваемого подхода, наряду с проблемой самостоятельной разработки каждого из трех методов анализа, изначально стоит и проблема синтеза их результатов. Многое в этом сложном вопросе может проясниться только в результате длительной практической работы, но кое-что может быть рассмотрено и теоретически, в том числе – применительно к основным обобщающим понятиям, выработанным в современном палеолитоведении в рамках типологического метода.

Одним из этих понятий выступает "археологическая культура". АК – одно из старейших обобщающих понятий мировой археологии, однако, в отечественном палеолитоведении оно начинает применяться не ранее середины пятидесятих годов, в связи с разработкой и распространением взглядов А.Н.Рогачева, приведших к известной смене парадигм. Существующий спектр определений и интерпретаций "археологической культуры" чрезвычайно широк, но при всех расхождениях и дискуссиях, подавляющее большинство археологов (не только палеолитоведов), пожалуй, согласится с тем, что это понятие направлено на выявление такого рода сходства, которое отражает культурную специфику, культурно-генетическое сходство; в этом отношении отнюдь не случайны упорные, многократные возобновляемые попытки утвердить знак равенства между понятиями "археологическая культура" и "этнос". Я попытался выразить эту исторически сложившуюся гносеологическую направленность "археологической культуры", определяя ее через понятие "культурная традиция".

Вполне очевидно, что в выделении и анализе археологических культур главенствующую роль должен играть (как это и происходит в действительности) именно типологический метод, ориентированный на исследование "культурных норм". Но и некоторые результаты,

достигнутые двумя другими методами, могут оказаться в этом отношении весьма полезными, — в тех случаях, когда они устанавливают специфические, особенные, но вместе с тем — повторяющиеся в разных индустриях характеристики конкретных технологий раскалывания или способов употребления тех или иных орудий. Какова их реальная значимость в этом — может показать только длительная практическая работа с конкретными коллекциями.

В палеолитоведении давно подмечено сходство иного рода, не могущее объясняться генетическим родством индустрий, но и не отвечающее "стадиальной" интерпретации ("ориньякоидность", "селетоидность", "граветтоидность", или "мустье типичное", "мустье с ашельской традицией" и т.п.). Первые терминологически различные попытки понятийного осмысления такого рода сходства, противопоставляющие его "археологическим культурам", были предприняты, примерно, в одно и то же время в отечественной ("путь развития"; впервые: Григорьев в 1966 г.) и в английской археологии ("технокомплекс": Кларк в 1968 г.). При всех расхождениях, в определениях подчеркиваются такие моменты, как иное выражение сходства такого рода, характеризующееся в отличие от АК более общими, менее специфическими признаками; его дислокальность; его культурно-генетическая неоднородность. Для верхнепалеолитических ПР/ТК я предложил следующее определение: "Это относительно устойчивая система технических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которая возникает и функционирует в широких пространственно-временных границах, в разных культурно-исторических формах (АК), не связанных между собой культурно-генетическим родством".

Таким образом, хотя наметить выделение единиц такого рода можно и в рамках типологического метода, что и делается на практике, но для серьезного их обоснования, для понимания их сущности, выявления структуры, вообще — для более глубокой постановки вопросов, связанных с ПР/ТК, необходимо самое широкое применение технологического метода. Можно предполагать, что в изучении технокомплексов ведущая роль в конце концов будет принадлежать именно технологическому методу.

Наконец, третье обобщающее понятие, — "историко-культурная область", — переходит в археологию из этнографии. В археологии ИКО представляет собой совокупность археологических культур и

отдельных памятников, существовавших в достаточно строгих территориальных границах в течение определенного отрезка времени (как правило – меньше длительности археологической эпохи), обладающая чертами культурного сходства, которые не совпадают, или совпадают лишь частично, с характеристиками, определяющими АК данной территории, но которые отличают данную ИКО от ИКО, прослеженных на соседних территориях.

Как показал опыт выделения трех ИКО на территории Восточной Европы во второй половине верхнепалеолитической эпохи (Южная ИКО – охотники на бизонов; Юго-Западная ИКО – охотники на северных оленей; Центральная ИКО – охотники на мамонтов), – одной типологии для этого явно не достаточно: здесь используются и данные о фаунистическом составе, и об организации стоянок, и о характере жилищ. Думается, очень большую роль не только в выделении ИКО, но и в осмыслении причин их существования, должно будет сыграть широкое, систематическое и целенаправленное применение функционального метода, поскольку именно этот метод способен дать научно обоснованную информацию об особенностях тех или иных стоянок на основе изучения их каменных индустрий.

Итак, мы видим, что только комплексное применение всех трех методов анализа каменного инвентаря способно обеспечить успешную, научно обоснованную работу на уровне обобщающих понятий в современном палеолитоведении. Претензии на исключительное значение какого-либо одного из этих трех методов сейчас явно устарели: так, несмотря на то, что каждое из трех рассмотренных обобщающих понятий было впервые введено именно типологами, все попытки их жесткого иерархического соотнесения друг с другом на основе типологического метода потерпели неудачу.

Уже сейчас необходимо стремиться к тому, чтобы все основные верхнепалеолитические индустрии были заново проанализированы специалистами по каждому из трех вышеназванных методов. В дальнейшем такая работа с коллекциями каменного инвентаря должна стать неукоснительным правилом. •

ЕДИНСТВО ЕВРОПЫ В ПЕРВЫЙ РАЗ: ГРАВЕТИЙСКИЙ ЭПИЗОД

Сходство каменных орудий, отсутствие подразделений территориального рода в раннюю пору верхнего палеолита противостоит различиям в первоначальном искусстве, которое не разнится на уровне видов искусства. Как теперь выяснилось, для территории Юго-западной Франции свойственно выбивание условных изображений на камнях, на плитах. На территории Германии известно много изображений животных в виде круглой скульптуры и негн одного гравированного изображения условного (геометрического) характера. Это наблюдение говорит о двух независимых очагах возникновения искусства и об отсутствии влияния двух областей друг на друга. Другими словами, сведения об искусстве опровергают соображения о единстве ориньякской Европы, основывающиеся на сходстве орудий и отсутствии локальных подразделений. Это всего лишь синстациональность.

Первое культурное единство Европы связано с граветийским эпизодом, отмечающим конец ранней поры верхнего палеолита. При этом наблюдается разная степень единства, вызванная их разной судьбой. Как я полагаю, группы населения из нижней Австрии продвигались в соседние области: Моравия, Словакия, Закарпатье, Сейм, Дон - и в северном направлении вплоть до Кракова. Это расселение привело к появлению родственных культур, павловской и костенковской, и родственных памятников - в Словакии и в Польше. Помимо столь близкого единства, наблюдается сходство немногих памятников в немногих (Зарайск, Молодова) в немногих (двух) типах с большим кругом костенковских(?) Мораван(?) памятников, что приводит к образованию другого круга памятников - не родственных, но испытавших влияние. И здесь типология каменных орудий и стилистика женских изображений представляют в наше распоряжение несовпадающие сведения. Так, в Хотылево наблюдается стилистическое сходство в культуре и нет следов влияния в каменных орудиях. Можно предполагать постоянные и длительные контакты между родственными культурами.

Другая половина Европы не содержит памятников прямых свидетельств передвижения групп населения именно граветийского облика. Там существуют независимые культуры, имеющие некоторые общие

черты в каменном инвентаре с граветийскими памятниками Моравии или Австрии, но возникшие независимо от них.

Граветийское искусство Средней и Восточной Европы отличимо от искусства Западной Европы на уровне вида (круглая скульптура здесь и наскальная живопись или гравюра — на Западе). Лишь в период, совпадающий с граветийским эпизодом в Средней Европе, т.е. около 24-23 000 лет, во Франции появляется круглая скульптура, изображающая женщину. Это известные статуэтки Леспюг и Ментона, на которые следует уделить более всего внимания, наряду с рельефом Лосселя. Нет нужды указывать, что статуэтки Запада отличны от скульптур Костенок. Однако обратим внимание на построение этих статуэток. И в Ментоне, и в Брассампуи обращает внимание общие принципы построения фигуры: она строится вокруг равностороннего треугольника (грудь — пупок), и имеют место те же самые сдвиги в конструкции — как основа построения. Объемной груди противопоставляются "прорисованные" (в противоположность объемности груди) руки, голова лишена лица, а незанятое волосами пространство (=лицо) сдвигается книзу, пропорциям верхней части тела противостоят укороченные ноги. Они даны схематично: толстым бедрам противостоят укороченные голени, ступни не выражают функцию опоры. Столь большое сходство, притом в построении, а не в деталях, не может быть случайным. Тем более, что появившись в граветийское время, далее статуэтки во Франции исчезают. Примечательно, что статуэтки мадленского времени, скорее всего, также имеют корни в Мезине, и женский образ на Западе опять появляется с Востока.

Таким образом, есть основания предполагать проникновение идей с Востока на Запад, и единство Европы представлять себе более широко, чем в наше время.

При всей важности произведений искусства основой для установления единства Европы в граветийское время является типология каменных и костяных орудий. Теперь единство нам представляется не однообразием набора орудий, а сочетанием двух-трех разновидностей, притом не всегда одних и тех же. Для Средней и Восточной Европы граветийский эпизод — это существование листовидного наконечника, наконечника с боковой выемкой, ножа с подтеской, пластинки с притупленным краем с одинаковыми концами, оформленными

по короткой дуге. Однако в павловской культуре нет наконечника с боковой выемкой, в Виллендорфе нет листовидного наконечника, как нет его в Кракове. Листовидные наконечники (и наконечники с выемкой) представлены в разных памятниках своеобразными разновидностями. Орнамент, называемый костенковским, не представлен в павловской культуре, в Хотылеве женская скульптура не сочетается с костенковскими формами каменных орудий, однако они представлены в Зарайске. В итоге теперь Европа представляется нам не механической суммой изоморфных археологических культур, а единством культур, памятников, групп родственных памятников, зоной влияния родственных памятников. Сложно оценить сходство каменных орудий Запада и Средней Европы. Несомненным представляется контакт между группами европейского населения в течение всего граветийского эпизода (от 26 до 22 000 лет).

Раньше наше представление о верхнем палеолите было схематичным, геометрическим: сумма археологических культур — родственных и не родственных. Теперь я имею представление о структуре: культуры родственные, не очень родственные и вовсе не родственные. Таким образом, граветийский эпизод состоит из множества единиц-подразделений, разных по таксономическому рангу.

Г. С. Коробкова

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ КОНТАКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РАННЕЗЕМЕ- ДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОРЯ МЕЗОЛИТА-НЕОЛИТА)

Характер культурогенеза во многом определяется взаимодействием старого и нового, традиций и инноваций. Оба эти компонента являются составной частью любой культуры, отличающейся устойчивостью, повторяемостью, преемственностью, стереотипизацией ее элементов. Вместе с тем в ходе развития в недрах сложившейся культуры зарождаются новые технологии и типы изделий, новые модели деятельности. Последние легко распознаются по типологическим признакам (тип изделий, техники расщепления, вторичной обработки, тип поселений, жилищ, керамики и др.), с одной стороны, и по функциональным (функциональные типы орудий труда, типы конкретных производств, хозяйственные типы и др.), с другой.

Таким образом и традиции и инновации устанавливаются на основе типологического и трасологического методов исследования различных источников (керамики, кремневой индустрии, металлических изделий, украшений, домостроительства и т.д.). Традиционно сохраняющиеся археологические элементы культуры под влиянием развития местных технологий и контактов с соседними историко-культурными регионами начинают изменяться. В результате возникают новые типы изделий и других артефактов, свидетельствующих о появлении новых технологий и моделей деятельности. Выступающие сначала как инновации они стереотипизируются и затем закрепляются как традиционные.

Процесс преемственности и инновации представляет собой не изолированный феномен, а одно из проявлений функционирования общества. Источником инноваций могут быть конвергенция, диффузия, единство происхождения, развитие технологий, культурные контакты.

В качестве примера можно привести раннеземледельческую джейтунскую культуру Туркменистана конца VП-VI тыс. до н.э. Ее формирование связано, с одной стороны, с прикаспийскими мезолитическими комплексами (прибалханской культурой), с другой, с прогрессивным развитием орудий труда и технологии производств; с третьей, раннеземледельческими культурами Загроса. Индустрия джейтунской культуры сохранила традиции мезолитической техники Прикаспия. Для нее типичны пластинчатые заготовки с микролитовидными элементами в виде геометрических микролитов - сегментов, трапеций, реже треугольников. Продолжает применяться прищипывающая ретушь, оформляющая скошенный конец пластин. В наборе типов изделий много микролитических форм скребков, выемчатых изделий, крупных и средних пластин со скошенным торцом, удлинённых низких трапеций с ретушированными тремя сторонами, разнообразных геометрических орудий и других типов. Традиционно сохраняются украшения из раковин, каменные шлифованные подвески, костяные бусы. Вместе с тем джейтунская культура выделяется и целым рядом инноваций. В технике расщепления преобладают средние и крупные пластины прямого профиля при полном отсутствии микролитических. Геометрические микролиты становятся более мелкими и имеют тенденцию к симметрии форм. Почти исчезают концевые скребки, которые заменяют эффективные боковые, нередко вставленные в костяные или деревянные оправы и образующие новый

тип орудий - струги. Появилась новая прогрессивная технология кожевного производства. В качестве инноваций выступают многочисленны́е керамические, каменные диски с просверленным отверстием в центре и пряслица, указывающие на появление ткацкого дела. Новым приобретением джейтунцев были земледельческие инструменты - землекопалки, усовершенствованные в ходе развития технологии земледельческого производства за счет снабжения их каменными утяжелителями, и наборные жатвенные ножи, появившиеся, возможно (как свидетельствуют палеоботанические данные о выращиваемых джейтунами злаков), конвергентно, независимо от своих загросских соседей. В то же время материалы джейтунской культуры указывают на тесное взаимодействие ее носителей с ближневосточными раннеолитическими племенами, воздействующими на ее формирование. Так традиции домостроительной техники Ближнего Востока сказались на оформлении джейтунских домов. Они проявились в окраске полов известковым раствором, каким пользовались обитатели Иерихона, Тепе-Гурана, Чезни-тепеси и др. В керамическом производстве Джейтуна встречены мотивы росписи, идентичные Тепе-Гурану. В то же время на центральноиранском поселении Сиалк I обнаружены элементы джейтунского типа. Таковы, в частности, прямые основы жатвенных ножей, терракотовые фишки, отдельные мотивы росписи на керамике. Особое влияние на развитие джейтунской культуры оказали контакты с носителями культуры Дхармо. Это проявилось в кремневой индустрии (наличии небольших симметричных трапеций), наличии костяных бус, плоских каменных дисков с просверленными отверстиями, глиняных конусов, некоторых форм сосудов и типов росписи. Значительный интерес представляют находки керамических браслетов на некоторых джейтунских памятниках (Тоголок-депе, Чаг-гилл-депе), появившихся, возможно, под влиянием подражания каменным браслетам Дхармо.

Контакты джейтунцев с обитателями Тепе-Гурана прослеживаются в характере архитектуры. Так в технике домостроительства применяются сырцовые кирпичи, а в окраске стен и полов используются известь и красная охра. Наблюдается сходство в формах ряда сосудов и элементах росписи, наличии каменных и костяных бус, близких своими формами и технологией изготовления.

Имеются параллели с архитектурой Иерихона (время культуры Б). Там так же как и в Джейтуне полы покрывались известковой штукатуркой и окрашивались в красный и бежевый цвет. Наблюдается сходство в бусах из камня и раковин.

Единство элементов домостроительной техники между малоазиатскими памятниками Хаджиларом и Чатал-Гуюком, с одной стороны, и среднеазиатским Джейтуном, с другой, проступает в использовании сырцового кирпича, пропорции которого близки джейтунским блокам, и окраске полов. Имеется сходство в деталях росписи и некоторых формах сосудов.

Приведенные аналогии джейтунской культуры с синхронными памятниками Ближнего Востока и Малой Азии указывают на определенное сходство между ними. Последнее можно объяснить, с одной стороны, наличием культурных контактов, под влиянием которых шло развитие культур обоих регионов. С другой стороны, общими генетическими истоками, о чем свидетельствуют близкие параллели между Джейтуном и Сиаком I, возникшие под воздействием культуры Джармо. Таким образом в обоих случаях формирование культурных традиций шло как по линии технико-технологического развития индустрий, обусловившего прогресс в наборе орудий труда и производствах, связанных с ними, вызвавший появление инноваций (струги, жатвенные ножи, зернотерки, ступки и др.) и модификации последних; так и по линии тесных контактов с соседними прогрессивными племенами.

Зафиксированы контакты джейтунской культуры с обитателями и северо-восточной территории Средней Азии — носителями Кельтеминарской культуры. Это сказалось на появлении в индустрии Тузканских комплексов Узбекистана вкладышевых жатвенных ножей с мелкозубчатой ретулью на лезвии, в точности имитирующих позднеджейтунские образцы. Нет сомнения в том, что тузканские уборочные инструменты возникли под сильным воздействием джейтунских орудий. На это указывают и находки костяных оправ жатвенных ножей в стоянке Толстова, идентичных таковым из Чопан-депе. Таким образом джейтунская культура оказала влияние на технико-технологический прогресс тузканской группы памятников и Кельтеминарскую культуру в целом. Об этом свидетельствуют находки расписной керамики на стоянке Джанбас-Кала 4, явно появившейся под воздействием своих южных соседей.

Традиции джейтунской культуры проявились и на формировании более поздних энеолитических комплексов Туркменистана, таких как Анау I А. По данным изучения поселения с эпонимным названием индустрия памятника в точности повторяет джейтунскую как по характеру сырья, технике расщепления камня, набору орудий, так и специфике домостроительства, формам некоторых сосудов, отдельным мотивам росписи, украшениям, терракотовым фишкам. Все эти примеры указывают на определяющую роль культурных традиций в формировании культур и ведущее значение инноваций, возникших в результате развития местных техники и технологии и взаимодействия с прогрессивными культурами соседних территорий.

В.И. Тимофеев

О СПЕЦИФИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА-НЕОЛИТА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В раннеголоценовое время на значительном пространстве вокруг Балтики сложилась общность археологических культур, характеризующихся рядом сходных признаков, обусловленных близкой (но не идентичной) охотничье-рыболовецко-собирательской экономикой. Для классических мезолитических комплексов разных частей Балтики существовало даже общее определение "культура Кунда - Маглемозе", в основе которого находятся реальные формопроявления ряда типов богатой костяной-роговой индустрии, отличающей мезолит Балтийского региона. Среди основных типов костяно-роговых орудий Маглемозе и раннего-среднего этапа культуры Кунда значителен удельный вес сходных и сопоставимых (ряд типов костяных гарпунов, вкладышевых орудий, "муфт", кинжалов и др.). Используя дефиниции культурологии /Массон, 1990/ можно, видимо, констатировать существование регионального типа культуры на широких пространствах от юга Скандинавии до Северо-Востока Балтики, и даже далее на восток, учитывая культуру Нижнего Беретья /С.З.Олибкина/. Особенности локальных культур, выраженные, прежде всего, в каменной индустрии, обусловлены в определенной мере, особенностями природной обстановки, прежде всего, сырьевых ресурсов, в разных частях региона.

К позднемезолитическому времени относится нарастание различий между культурами разных участков Балтийского региона.

Формируется ряд локальных культур, в инвентаре которых удельный вес общерегиональных форм значительно ниже, чем в предыдущее время. В то же время, есть данные за существование коммуникаций, распространение в среде различного по происхождению населения сходных представлений и ритуалов (что ярко видно, в частности, по распространению вокруг Балтики крупных позднемезолитических некрополей, расположенных близ поселений - Скатехолм, Ведбэк, Звейниекы, Оленеостровский и др.). Наличие коммуникаций (в обстановке лингвистической непрерывности?), скорее всего, способствовало распределению на широких пространствах региона, среди разных групп позднемезолитического населения сходных типов архаичной остродонной керамики. Диффузионный характер этого процесса представляется наиболее вероятным. К этому же времени на западе - юго-западе региона относятся первые проявления взаимодействия земледельцев-скотоводов и позднемезолитических групп Эртебелле-Эллербек. Механизм взаимодействия объясним в рамках концепции "агр культурного фронта" /Р.Денел, И.Цвелебил, П.Ролей-Конви, П.М.Долуханов и др./. В то же время, появление на мезолитических стоянках грубых остродонных сосудов вряд ли можно считать результатом "кооперации" с земледельческим населением линейно-ленточного круга (как считают М.Цвелебил и П.М.Долуханов, 1991). Формы древнейших сосудов и элементы технологии производства их находят более близкие параллели в регионе к юго-востоку от Балтийского моря.

Окончание цикла существования "блока" локальных раннекерамических культур (Эртебелле-Эллербек-Данбки, ранненеманская, ранненарвская) ознаменовано крупными изменениями в исторической ситуации региона. Последующее время характеризуется сосуществованием в разных его частях культур носителей производящей экономики на юге и западе и обдирного массива носителей экономики консервативных укладов на востоке и севере.

Масштабы различий позволяют скорее говорить о культурных различиях "эпохального типа", связанных с различными ступенями "социально-экономического, технологического или культурного прогресса" /Массон, 1990/. В то же время, материалы развитого неолита дают многообразие форм взаимодействия в "буферной", контактной зоне, включая образование локальных культур "гибридного" типа и признаки типологически прослеживающихся контактов.

Концепция "агрикультурного фронтьера" здесь "работает" для территории Юго-восточной Прибалтики, объясняя конкретные ситуации взаимодействия, "кооперации" локальных культур с разными системами экономики. Далее на восток и северо-восток функционировала сложная система взаимодействия локальных культур, экономика которых, в ряде случаев с признаками специализации, зависящей от местных ресурсов, была автономна от мира культур с хозяйством производящего типа.

Г.И.Зайцева, А.М.Микляев, А.Н.Мазуркевич

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ ДВИНСКО-ЛОВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ЭВОЛЮЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Накопленный в настоящее время большой фактический материал при исследовании археологических культур позволяет решать более детально одну из важных задач археологии, связанную с генезисом культур, их взаимодействием, а так же выяснять побудительные мотивы их эволюции. Определенный оптимизм в этом вопросе появляется и потому, что в практике научного исследования все шире применяется комплексный подход, привлекающий помимо чисто археологических и данные естественнонаучных дисциплин, что расширяет и углубляет наше миропонимание. Именно комплексный метод был положен в основу изучения памятников Двинско-Ловяцкого междуречья Микляевым А.М., исследовавшим этот регион на протяжении более 30 лет. Указанный регион интересен в том отношении, что он является связующим звеном между Прибалтикой, Верхним Поволжьем и Поднепровьем. Подробно характеристика региона рассмотрена в диссертации А.М.Микляева, здесь мы ограничимся лишь хронологическими аспектами, основанными на данных радиоуглеродного анализа и палеогеографических реконструкциях, имея ввиду, что исследование развития материальной культуры возможно лишь на обоснованной археологической шкале.

Несмотря на то, что исследуемый регион был заселен, начиная с позднего палеолита, проследить эволюцию материальной культуры на конкретном памятнике не представлялось возможным. Причина заключается в специфике самого региона, в значительной степени зависящая от динамики озерных бассейнов. Нестабильность

водоемов приводила к тому, что человек вынужден был менять места своего обитания. Данные палинологии и палеогеографии позволили получить динамику всего водного бассейна междуречья за длительный временной интервал, что послужило основой для относительной хронологии. Абсолютная хронология региона базируется на большой серии радиоуглеродных определений, выполненных в лаборатории ИИМК РАН, для большинства памятников исследуемого района. На их основании получены серии временных шкал отдельных памятников, которые были сопоставлены друг с другом и синхронизированы с периодами озерных трансгрессий и регрессий. Таким образом построена общая шкала для всего междуречья, дающая возможность проследить хронологическую последовательность смены археологических культур на фоне меняющейся природной среды.

Основным материалом для датирования являлось дерево (остатки деревянных конструкций и предметов), которое довольно хорошо сохраняется в условиях влажного торфяника. Для уточнения периодов трансгрессий и регрессий датирован также торф и сапрпель из стратиграфических разрезов. Период раннего железного века датирован по образцам угля, найденным на памятниках Мосты и Межуево. Радиоуглеродные даты приведены к соответствующему календарному времени путем использования компьютерной программы, разработанной в Гронингене на основе калибровочных кривых Пирсона и Беккера, Стювера и Пирсона.

Обобщающие данные по хронологии Двинско-Ловатского междуречья приведены в Таблице I.

На схеме прослеживается связь заселения различных памятников региона с колебаниями уровня воды в водоемах за период более чем 7 тысяч лет.

Непрерывное обитание людей на этой территории началось с конца плейстоцена, когда уровень воды в водоемах достигал максимума (трансгрессии I), однако для начального периода пока не получены радиоуглеродные даты. основополагающим критерием определения археологических культур традиционно служили типологические особенности керамики. Они приведены в работах А.М.Микляева, П.М.Долуханова, Г.И.Зайцевой, поэтому здесь не будем их касаться, но примем за основу.

Опорным памятником раннего неолита является Рудня Сертейская, для которого определены две ранненеолитические культуры. Для самой ранней из них, сертейской, пока отсутствуют материалы для радиоуглеродного датирования. Следующая за ней и генетически с ней связанная рудненская культура, включающая несколько этапов развития, развивалась на фоне регрессии 2 и трансгрессии 3 в течение почти тысячелетнего периода. С началом трансгрессии 3 обитатели перешли на более высокие места. Видимо, этому же времени можно отнести и заселение памятника Дубокрай, которое в настоящее время находится под водой и исследуется методом подводной археологии. Анализ керамики средней фазы рудненской культуры обнаруживает в ней некоторые элементы, свойственные нарвской культуре, а для поздней ее фазы прослеживаются аналогии с верхневолжской культурой. Все это свидетельствует о том, что регион являлся связующим звеном между Прибалтикой и Верхним Поволжьем. Начавшаяся вслед за регрессией 3 трансгрессия 4 является рубежом между ранним и средним неолитом. Опорным памятником этого периода является многослойная торфяниково-вая стоянка Усвятъ. Материалы этой стоянки, а так же стоянки Сертея свидетельствуют, что на протяжении около 500 лет развивалась усвятская неолитическая культура, имеющая в соответствии с техникой производства керамики три фазы развития. Начальный ее период, датируемый по образцам из свайных сооружений, относится к концу 5 тыс. до н.э. Продолжающаяся трансгрессия 4 привела к сооружению построек на высоких местах, характерных для памятников Дубокрай и Наумово, где продолжалась следующая фаза развития усвятской культуры.

Кратковременная регрессия 4 сменялась трансгрессией 5, когда были возведены свайные поселения на памятнике Наумово. Эти сооружения и их материалы отнесены к жижицкой культуре, генетически связанной с усвятской, и датируются 3 тыс. до н.э. Следующая за ней и вырастающая из нее, северо-белорусская культура найдена в верхних слоях памятников Наумово, Сертея и Дубокрай, развивалась на фоне регрессии 5, сменяемой трансгрессией 6, которой смтыты все свайные сооружения. Радиоуглеродная дата, полученная из образца дерева свайного поселения, обнаруженного на дне озера Сөнница (поселения Дубокрай), дает повод предположить, что катастрофическое наводнение произошло около середины 2 тыс. до н.э.

Далее на приведенной схеме есть временной разрыв порядка 700 лет. Однако освоение территории в этот период не прекращалось. Вслед за северо-белорусской началось развитие узменьской культуры, керамика которой найдена на поселении Сертея 2. К сожалению отсутствовал материал для радиоуглеродного датирования и можно лишь надеяться, что при продолжении исследований в дальнейшем будут получены радиоуглеродные даты, уточняющие этапы развития узменьской культуры, и таким образом может быть заполнен хронологический разрыв. Узменьская культура характеризуется уже началом раннего железного века. Похолодание и увлажнение климата, ухудшающее условия жизни в долинах озер, стало возможной причиной переселения людей на окружающие холмы. Имеющиеся материалы не позволяют пока проследить эволюцию узменьской культуры в следующую за ней днепро-двинскую. Слои торфа, залегающие выше культурных слоев стоянок с узменьской культурой, образовались в течение IX-VI вв. до н.э., поэтому к этому периоду можно отнести ранний этап днепро-двинской культуры, материалы которой найдены на памятнике Межуево. Здесь обнаружены остатки железодобывающей мастерской. В это время вершины холмов перестали использоваться как места для поселений, а являлись местами для организации мастерских по добыче железа и его переработке.

В начале нашей эры на фоне общего потепления климата и уменьшения количества осадков развивалась регрессия 7. Понижение уровня водоемов и снижение уровня грунтовых вод позволило расширить площади пастбищ и использовать плодородные участки местности для земледелия, появление которого в этом регионе устанавливается по ряду косвенных признаков. Благоприятные климатические условия в сочетании с развитием черной металлургии, земледелия и скотоводства, способствовали организации сообществ на высоком социальном уровне, выразившемся в отделении ремесел от земледелия. Все это дало толчок к трансформации днепро-двинской культуры в культуру длинных курганов, развитие которой происходило на фоне регрессии 7. В озере Сенница обнаружены срубные фундаменты железодобывающей мастерской с остатками шлака. Вкрапленные в шлак образцы угля были продатированы, на основании чего можно сказать, что культура длинных курганов существовала в регионе, начиная с 6 в. н.э. В дальнейшем культура длинных курганов стала одной из составляющих древнерусской культуры.

Хронология археологических культур и динамика природной среды
Двинско-Ловатского междуречья

Календарный возраст до н.э.; н.э.	Археологические памятники							Уровень озер	Клим. фаза	Культура	Период
	Рудня	Сертейская	Сертея	Усвяты	Дубо- край	Нау- ново	Межа- еда				
5000								Регресс 2	A-2	Руднен- ская	ранний неолит
4000								Трансгр 3	A-3	Усвят- ская	средний неолит
								Регресс 3	S81		
3000								Трансгр 4		S81	
								Регресс 4			
2000								Трансгр 5	S82	Жижиц- кая	поздний неолит
								Регресс 5	Северо- Белорус- ская		
1000	Трансгр 6	S83	Узмень- ская	желез- ный век							
	Регресс 6										
0	Трансгр 7	Sa1	Днепро- двинская								
	Регресс 7	Sa2	длинные курганы	средне- вековье							
1000								Регресс 7	Sa2		

Таким образом, комплексное исследование памятников Двинско-Ловатского междуречья, включающее широкий спектр культур, позволило пунктирно проследить последовательность освоения территории, начиная с раннего неолита. Следует отметить, что изменения уровня внутренних водоемов не являлось единственной причиной эволюции материальной культуры, но несомненно они влияли на локальную миграцию. Обобщение имеющихся данных дало возможность увидеть единую линию развития материальной культуры, что хорошо демонстрирует приведенная схема. К сожалению, оборвалась жизнь А.М.Микляева, вклад которого в это исследование трудно переоценить.

Ю.А.Заднепровский

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Проблема взаимодействия культур сложна и многогранна. Культурные контакты и заимствования, обмен между общинами практиковался с седой древности и, как правило, не сопровождался существенными преобразованиями традиционной культуры. Совсем иное дело, когда взаимодействие общин, культур и цивилизаций охватывало более широкую сферу и приводило к коренным изменениям в хозяйстве, в материальной и духовной культуре и порой к ее резкой трансформации. В таких случаях разрушались жесткие рамки традиционной культуры и взаимодействия выступают как важный фактор прогресса.

В середине II тыс. до н.э. племена степной бронзы, главным образом, андроновской общности на алакульском этапе проникли в основные районы Среднеазиатского междуречья и вступили в непосредственный контакт с земледельческими общинами пор. Намазга VI в Парфии, Маргиане и Бактрии. Это засвидетельствовано находками степной керамики на многих стоянках на границе оазисов, а также на ряде поселений. Отсутствие конкретных данных не позволяет определить характер взаимодействия степняков с земледельцами, затрудняет установление механизма сложения новых культур типа Элькен II, Яшиллы, Эз I, Кучук. Наиболее ярким показателем этих комплексов и нового этапа культуры в целом служит лепная посуда с расписным узором, появление которой нарушило

традиции гончарного производства оседло-земледельческого населения. Изменения происходили в оседло-земледельческой культуре. Андроновские племена в ходе взаимодействия были ассимилированы. Априори можно полагать, что они, вступая в тесные отношения с земледельцами и переходя к оседлости, внесли свой вклад в сложение новой культуры. Нарушение преемственного развития между периодами Намазга VI и Яз I дает основание рассматривать появление комплексов поздней расписной керамики как результат интеграции цивилизации земледельцев с культурами степной бронзы. В период Яз I отмечается расширение ареала земледелия, освоение новых территорий и дальнейшее развитие культур. Следовательно, в данном случае взаимодействие культур выступает как важный фактор прогресса в Бактрийско-Маргианском регионе.

В конце II тыс., на рубеже II-I тыс. до н.э. земледельческие комплексы с поздней расписной керамикой распространены на обширных пространствах Центральной Азии от Хоросана (находки в долине Атрека) на юго-западе и до Тарима (Синьцзян) на северо-востоке, от Ташкента и Ферганы на севере и до Белуджистана (Пирак) на юге. Столь обширный ареал исключает возможность существования единого центра происхождения (будь то Хоросан, Фергана или Восточный Туркестан). В северных районах - в Фергане, Ташкенте и быть может в Согде отсутствовал земледельческий субстрат, и земледельческие культуры с расписной керамикой появились в ходе кардинальных изменений основ культуры андроновских племен, развития земледельческого компонента в их комплексном пастушеско-земледельческом хозяйстве, т.е. путем трансформации. Трансформация охватила лишь немногие области, наиболее пригодные для занятия земледелием, и не состоялась бы без влияния оседлого населения, без заимствования от него ряда элементов культуры. Это еще один пример взаимодействия культур, которое определило прогрессивные изменения в Фергане, Ташкентском оазисе и Согде.

По материалам чувствской культуры Ферганы удалось более конкретно проследить результаты взаимодействия культур и выявить андроновское наследие в домостроительстве (землянки восходящие к традиции племен степной бронзы), в металлургии (третья группа орудий и оружия), в скотоводстве (сходство состава стада),

в гончарстве (вся чувствская керамика лепная и широко применялся матерчатый шаблон), в обряде погребения (скорченное положение погребенных). Влияние земледельцев сказывается в сырцово-архитектуре и фортификации. По всему облику культура чувствских племен мало отличалась от синхронных комплексов Юга, что наглядно видно при сопоставлении комплексов Чуста и Кучука, выявившее сходство всех основных категорий материальной культуры. Объединяющим началом такого сходства и общности комплексов Севера и Юга Средней Азии, очевидно, выступали племена степной бронзы андроновской культуры, которые появились на этой территории в предшествующий период и внесли свой вклад в формирование новых культур типа Яз I, Кучук, Чуст. Только этим можно объяснить существование общих элементов в культурах поздней расписной керамики в разных частях Центральной Азии. Расширение зон земледелия привело к значительному сокращению ареала андроновской общности на юге.

В конце II тыс. до н.э. резкие изменения происходили у андроновских племен в степях Казахстана. Внутренние закономерности развития, стимулированные аридизацией климата и другими причинами, привели к кардинальному изменению скотоводческого компонента в комплексном пастушеско-земледельческом хозяйстве, которое завершилось сложением кочевого и полукочевого способов скотоводства, наиболее оптимальных в природных условиях региона. Произошла смена образа жизни и культуры в целом. Комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство андроновских племен предопределило возможные пути дальнейшего развития, по крайней мере, в двух направлениях. Совершенствование земледельческого компонента и переход на более высокий уровень интенсивного оседлого земледелия был возможен только в результате тесного взаимодействия с оседлыми цивилизациями на юге Средней Азии, которое известно нам в двух вариантах. Преобразование скотоводческого компонента в специализированное кочевое и полукочевое хозяйство осуществлено самостоятельно и без внешнего влияния.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЭГЕЙСКОГО МИРА

Эпоха ранней бронзы или III тыс. до н.э. занимает особое место в исторических судьбах Эгейского мира как своеобразный пролог к истории древнейших цивилизаций этого региона: критской (минойской) и микенской и как время вызревания их основных предпосылок и структурных элементов, демографических, технологических, социально-экономических, идеологических и т.п. Судя по всему, этот процесс шел крайне медленно, неравномерно и прерывисто. За это время на территории Эгеиды, на ее островах, полуостровах и побережьях образовалось целое "созвездие" из нескольких связанных между собой, но в целом развивавшихся вполне самостоятельно археологических культур. Важнейшими из них принято считать, если идти в направлении с востока на запад, западно-анатолийскую культуру Трои - Гиссарлыка, далее стоящую несколько особняком, хотя и связанную с троянской культурой островов северо-восточной части Эгейского бассейна: Лемноса, Лесбоса и Хиоса, кикладскую культуру, распространенную в основной зоне центральной части того же бассейна, раннеэладскую культуру материковой Греции и, наконец, раннеминойскую культуру Крита.

В развитии всех этих культур удастся проследить некоторые общие тенденции, выразившиеся в более или менее синхронном появлении в различных районах Эгейского мира одних и тех же культурных инноваций таких, например, как индустрия бронзы, гончарный круг, поликультурное земледелие в форме так называемой "средиземноморской триады", поселения квазигородского и протогородского типа, сначала весельные, а затем и парусные морские суда, монументальная архитектура и т.п. Совпадения такого рода обычно служат основанием для того, чтобы расценивать эти культуры как звенья в эволюционной цепи единого культурогенетического процесса, замкнутого в своей конечной фазе на дворцовые цивилизации II тыс. до н.э. Именно такую модель генезиса эгейских цивилизаций предложил около двадцати лет тому назад известный английский археолог К.Ренфрю в своей сразу же завоевавшей широкую популярность книге "Возникновение цивилизаций".

И все же основные исторические итоги этой эпохи, на первый взгляд, столь богатой предзнаменованиями великого будущего, могут показаться и достаточно неожиданными, и даже в какой-то мере разочарывающими. Как известно, ни в Троеде, ни на Пелопоннесе, которые могут считаться для этого времени наиболее передовыми районами Эгейского мира, настоящие цивилизации ни в конце III-го, ни в начале следующего II тыс. до н.э. так и не сложились. В материковой Греции первая цивилизация, заслуживающая этого наименования (микенская), начала выкристаллизовываться лишь в XVI-XV вв. до н.э. Культура Трои - Гиссарлык, даже достигнув своего зенита в период так называемой Трои VI (между 1900-1300 гг.), так и не смогла, по-видимому, преодолеть этот важнейший исторический рубеж. Практически из всех эгейских культур, вышедших на "старт" в начале эпохи ранней бронзы, достигла "финиша" и вплотную подошла к "порогу" цивилизации одна лишь культура минойского Крита, на первых порах (в начале и середине III тыс.) как будто не подававшая особенно больших надежд и во многих отношениях сильно уступавшая таким действительно блестящим культурам, как культуры островов Кикладского архипелага, Троеды, материковой Греции. Другие участники этого своеобразного "марафона" либо сошли с "дистанции", так и не достигнув той общей цели, к которой все они, согласно бытующим в науке представлениям, должны были стремиться, растеряв в пути почти все свои достижения и полностью утратив свой индивидуальный исторический облик, либо застыли в каком-то странном промежуточном положении, близком к состоянию гомеостасиса, очевидно, так и не набрав того запаса "кинетической энергии", который был необходим для решающего скачка и преодоления барьера, отделяющего варварство от цивилизации.

Уникальный феномен минойской цивилизации, по всей видимости, находит свое объяснение в столь же уникальном стечении благоприятных исторических, географических и этнопсихологических обстоятельств, благодаря которому Крит смог наконец отделиться от конгломерата эгейских культур и занять свое особое положение на грани двух миров: варварского мира Евразии и мира древневосточных цивилизаций. Среди факторов, сделавших возможным этот переход минойской культуры на новую более высокую

ступень развития, мы поставили бы на первое место исключительное по егейским масштабам плодородие почвенного слоя равнинной части Крита, обусловившее чрезвычайно быстрый рост населения на острове в течение III тыс., далее ранние и достаточно интенсивные контакты его обитателей со странами Восточного Средиземноморья и, наконец, особую пластичность минойского менталитета, во многом сближающую его с менталитетом греков античной эпохи, его ярко выраженную способность к адаптации в меняющейся внешней среде, равно как и к критическому, избирательному усвоению чужого опыта. По отношению к общей доминанте исторического прогресса, в то время действовавшей в пределах Эгейского мира, ситуация, сложившаяся на Крите, была не более, чем "счастливой случайностью". В принципе (при изъятии одного или двух из образующих ее компонентов) она могла бы и вообще не состояться, и тогда дальнейшие пути исторического развития всего этого региона были бы, вероятно, совсем иными.

Наблюдения над жизненными циклами основных эгейских культур эпохи ранней бронзы убеждают нас в том, что теории детерминистского толка, изображающие процесс становления цивилизации в этой части древней ойкумены как неуклонное поступательное движение всех населявших ее племен и народов к одной общей цели, которой в то время могло быть только дворцовое государство, едва ли способны дать вполне адекватную действительности картину происходивших здесь исторических перемен. Главные движущие силы ("субсистемы") процесса культурогенеза, которым Ренфрю уделил так много внимания в своей книге, могли действовать лишь в определенных границах, прокладывая себе дорогу среди множества не предусмотренных его концепцией случайностей, от которых в конечном счете и зависели конкретные исторические судьбы отдельных этно-культурных сообществ. Сдвиги подлинно прогрессивного характера, ведущие к постепенному, но более или менее устойчивому накоплению культурных инноваций, прослеживаются в эту эпоху в основном на уровне технологических и хозяйственных инфраструктур, хотя и здесь они отличались крайней неравномерностью. Лишь в этих сферах жизнедеятельности эгейских обществ удается наблюдать возникновение непрерывных культурных традиций, связывающих эпоху палеометалла с эпохой расцвета дворцовых цивилизаций. На более высоком уровне струк-

турирования социально-экономических систем становится совершенно очевидным дискретный характер всего процесса, постоянное чередование фаз прогресса с фазами регресса. Судьба основных эгейских культур III тыс. до н.э., за исключением раннеминойской, дает ряд наглядных примеров такого чередования. Наконец, в наиболее показательной, на наш взгляд, сфере художественного творчества однонаправленное развитие прогрессивного характера удается проследить лишь на сравнительно коротких хронологических отрезках, обычно не превышающих двух-трех столетий. Здесь особенно ярко проявили себя такие характерные и, несомненно, тесно связанные между собой черты раннеэгейских культур, как крайняя автаркичность, с одной стороны, и крайняя инертность, с другой. Наиболее самобытные и интересные художественные явления этой эпохи такие, как, например, кикладская мраморная скульптура, троянское ювелирное искусство, раннеэладская керамика и глиптика, производят впечатление ярких, но изолированных, эпизодических всплеск на карте Эгейского мира. Как правило, у них не находилось ни подражателей, ни продолжателей в смежных культурных ареалах и на более поздних этапах культурного развития. Новые эстетические идеи и открытия мелькали стремительно, как метеоры, и вскоре исчезали за горизонтом. Лишь очень немногие из них успели оформиться в достаточно жизнеспособные и длительные художественные традиции.

Гибель большинства эгейских культур после обычно непродолжительного периода расцвета и при отсутствии ясно выраженной фазы вырождения и упадка воспринимается как внезапный трагический финал, вызванный действием каких-то чисто внешних, случайных причин. О их характере можно сейчас лишь гадать. В одних случаях это могли быть передвижения племен, межэтнические конфликты или пиратские набеги, в других стихийные бедствия. Как бы то ни было, сама эта уязвимость раннеэгейских обществ, их чрезмерная зависимость от всякого рода исторических и экологических случайностей, пожалуй, могут свидетельствовать о их недостаточной жизнеспособности, так же как и о крайней ограниченных возможностях дальнейшего развития. Создается впечатление, что, сделав несколько первых шагов по пути, ведущему к цивилизации, освоив индустрию бронзы, начатки градостроения, мореплавания и поликультурного земледелия и поднявшись (правда,

лишь в отдельных случаях) до уровня примитивной государственности, эти общества в значительной мере растратили отпущенный им природой запас жизненных сил и после этого продолжали свое существование просто по инерции, впад в состояние своего рода анабиоза, в котором их легко могла погубить любая случайность, любое неблагоприятное стечение обстоятельств.

И опять-таки только "счастливый случай", как было уже сказано, мог вывести некоторые из них за пределы этого порочного круга - на новый более высокий уровень исторического развития. История Эгейского мира в III тыс. до н.э. дает нам только один пример такой редкой "удачливости", которым может служить судьба раннеминойской культуры Крита. Впрочем, весь дальнейший ход событий достаточно ясно показывает, что и на новом витке своего жизненного цикла эта культура, все-таки ставшая цивилизацией, так и не смогла надежно застраховаться от прихотей всемогущего случая, и в свою очередь должна была покинуть историческую сцену при загадочных, так до конца и не выясненных обстоятельствах.

Ю. Е. Березкин

АМАЗОНИИ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО СВЕТА

История индейцев Америки долго воспринималась - а специалистами чаще всего воспринимается и сейчас - как история цивилизаций Мексики и Перу, окруженных первобытными племенами. Это подход искусствоведов, ориентированных на музейные собрания статуй, золота и керамики. При сопоставлении степени развитости обществ сам термин "цивилизация" вносит путаницу. Необходимой в данном случае сравнительной оценке поддаются лишь такие параметры общественной эволюции, как количество энергии, потребляемой отдельными человеческими сообществами, и форма подобных сообществ (их размер, организация, взаимодействие). Именно в отношении этих параметров история обладает вектором развития, прогрессивна и закономерна. Возникновение ранних государств - одна из серии вех на пути такого развития. Что же касается "цивилизации", то в обычном словоупотреблении это понятие охватывает не просто культуру государственных обществ, но еще и продолжительную региональную традицию, уходящую

вглубь времен. Обществам, существовавшим на разных этапах этой традиции и в неодинаковой мере политически интегрированным, приписываются черты, ярко проявившиеся у наиболее изученных, как правило, поздних, обществ.

Продолжительная недооценка уровня развития многих доколумбовых культур была связана не только с недостатком археологических данных (они начали появляться еще в XIX в.), но и с использованием двойного стандарта при описании Мезоамерики и Центральных Анд, с одной стороны, и прочих историко-культурных областей, с другой. Между тем разница между первыми и вторыми вовсе не всегда отвечает дихотомии "государственный" - "догосударственный". Для Мезоамерики и Центральных Анд легко указать обширные территории, в пределах которых политическая интеграция либо достигала государственного уровня лишь в результате завоевания со стороны и на короткое время (Южное Побережье Перу), либо бывала надолго утрачена вследствие глубокого кризиса (почти вся юго-восточная Мезоамерика в Постклассический период, горная область центрального - южного Перу в IX-XIV вв. н.э.). Вместе с тем в Новом Свете имелись удаленные от Мексики и Перу регионы, обитатели которых были по меньшей мере близки к созданию собственных государств.

Одним из подобных регионов является Юго-восток США, включая бассейн Миссисипи. Распространение здесь в IX-XI вв. н.э. новых сортов кукурузы привело к резкому росту населения и усложнению политической организации от уровня автономных общин и небольших вождеств до, видимо, уровня первичного государства, имея в виду Кахокию близ современного Сент-Луиса. Среди американских археологов нет согласия по поводу того, считать ли Кахокию продуктом местного развития или результатом мезоамериканских влияний, но близкий к государственному уровень политической организации на Миссисипи в X-XI вв. сомнений не вызывает. В XVI в. типичными для региона были крупные вождества с населением 10-15 тыс. человек. Если бы подобный Кахокии монументальный центр находился в Мексике или в Андах, миссисипская культура, конечно же, именовалась цивилизацией, но поскольку ко времени первых контактов с французами в XVII в. индейское население Миссисипи почти

вымерло от занесенных из Европы эпидемических заболеваний и местная традиция деградировала, изменилась и оценка предшествующих этапов той же традиции.

Еще более драматична ситуация в Амазонии. До недавних пор господствовала концепция несовместимости природных условий южноамериканских влажных тропиков с существованием цивилизаций и государств. Она возникла из-за не критического восприятия этнографических источников по населению Амазонии и низменностей Ориноко-Гвиань, которые отражают, как и на Миссисипи, ситуацию, сложившуюся после вымирания большей части местного населения в результате болезней. Хотя уже первые научные исследования, проведенные в начале нашего века Э. Норденшельдом, свидетельствовали о высоко развитости доколумбовой амазонской культуры, Б. Меггерс, поставившая после II Мировой войны археологические работы в Бразилии на твердую организационную основу, заняла, к несчастью, позиции крайнего миграционизма, приписывая все местные достижения народам Анд, якобы, проникавшим в тропические леса, а затем там медленно вымиравшим. Лишь благодаря Д. Латрепу, а позже Ж. П. Брошаду, Т. Майеру и особенно А. К. Рузвельт, произошла переоценка данных, хотя выход полемики за академические границы мешает создать вполне сбалансированную концепцию.

Три защищаемых А. К. Рузвельт положения наиболее важны.

Во-первых, как и на Миссисипи, ускоренное развитие культуры Амазонии и Ориноко началось сравнительно поздно, в первых веках нашей эры, а в более широких масштабах лишь после X-XII вв., и было связано с совершенно конкретным хозяйственным процессом - освоением земледельцами плодородных заливных пойм. Если Д. Латрап связывал развитие древней Амазонии с выращиванием преимущественно тропических клубнеплодов (главным образом эти культуры выращивает большинство индейцев сейчас), то А. Рузвельт доказала, что на заливных землях маниок не мог вызревать и местные обитатели сеяли кукурузу. Выведение соответствующих сортов и их распространение по региону в основном и определяет хронологию культурного развития Амазонии.

Во-вторых, после того, как в XVI-XVII вв. индейское население густонаселенных районов вымерло, а его остатки бежали от набегов работорговцев вглубь страны, в Амазонии произошел возврат к политической и хозяйственной ситуации, существовавшей

ранее рубежа нашей эры. Отсюда несоответствие этнографических материалов археологическим и документам экспедиции Э. де Орельяны 1542 г.

В-третьих, не только новые, но и давно проведенные обследования территории вдоль Амазонки, Ориноко и их главных притоков свидетельствуют о том, что ко времени открытия Америки во многих припойменных районах уже весьма далеко зашел процесс, который в Мексике, Перу или Месопотамией был бы назван урбанизацией. Наиболее вероятным кандидатом на статус государственного для XVI в. является объединение индейцев тапажо на нижней Амазонке, столица которого находилась на месте современного города Сантарем.

Основные центры культурного развития располагались в Амазонии на аллювиальной равнине, где не было выхода камня. Естественно, что для монументального строительства и изготовления монументальной скульптуры использовалось дерево, которое не могло сохраниться. Единственными археологическими свидетельствами крупномасштабных общественных работ в Амазонии являются поэтому (не считая грядковых полей в саваннах) искусственные земляные холмы, использовавшиеся как платформы под здания и для производства захоронений. Их высота достигает 15-20 м, площадь 20 га и даже 50 га. На аллювиальной равнине не было и рудных месторождений. Учитывая это, перспективно начатое Т. Майером изучение древних торговых путей в регионе, по которым в область тропических лесов проникали не только золотые украшения, но и, по-видимому, инкские бронзовые топоры.

В свете открытий последних десятилетий можно утверждать, что уже с III-II, если не с V тыс. до н.э. вся пригодная для земледелия зона Нового Света была охвачена сетью контактов, по которой распространялись технологические достижения и особенности культуры. В этом смысле в Америке существовала лишь одна единственная цивилизация. Темпы социально-политического развития отдельных областей различались (и менялись со временем), определяясь двумя главными обстоятельствами: потенциальным плодородием почв (плюс запасы рыбы и т.п.) и наличием агротехнологий, позволяющих этот потенциал использовать. Первое условие - решающее, так как соответствующие сельскохозяйственные культуры и навыки раньше или позже всегда появлялись. На Ю-В США и в

Амазонии ход развития неизбежно вел к возникновению государств и цивилизаций в отличие от Юго-Запада США или Бразильского нагорья, где формирование самостоятельных центров государственности было в доиндустриальную эпоху невозможно принципиально.

А.А.Щегенко

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗОН БЕНДАПУДИ СУББАРАО

Прошло более тридцати лет, а концепция культурно-хозяйственных зон, предложенная С.Б.Суббарао на заре развертывания археологических исследований в независимой Индии, до сих пор работает для организации археологических материалов во взаимодействии с природной средой не только на Индо-Пакистанском субконтиненте, но и в других частях ойкумены, например, в Средней Азии.

С.Б.Суббарао был одним из ярких представителей теоретиков-разработчиков, впитавших в себя передовые для того времени идеи Американского доисторического общества (1953 г.), хотя и считал, что для индийской археологии пригодны не все европейские и американские образцы и традиции. Он определял археологию "как изучение материальных остатков древних людей и умозрительное объединение во времени и пространстве этих остатков". Им же предложен и новый подход, который сводится к "выделению и корреляции стойких ассоциаций археологических типов" - подход столь характерный для будущей американской "новой археологии". Обобщив в двух изданиях (1956 и 1958 гг.) своей книги "The Personality of India" огромный археологический материал, известный к тому времени, он предпринял "смелую и конструктивную попытку поместить доисторическую и протоисторическую Индию на карту", как отметил это в предисловии к его книге мэтр археологии Сэр М.Уильер. Взяв за основу физико-географические области современного Индостана, учитывая роль естественных барьеров (горных цепей, рек, водоемов) и притягательную силу ряда полезных ископаемых, почв и климатических циклов, он разработал понятие коммуникабельности того или иного региона в исторической перспективе, разделив всю территорию страны на три типа культурно-хозяйственных зон или областей: области притяжения, области относительной изоляции и области абсолютной изоляции - "cults de sus". Он же наметил и единую временную шкалу для археологи-

ческих культур, используя харлаппские циклы. Если в географическом подходе к событиям далекого прошлого на Суббароа может быть отмечено определенное влияние идей Д.Ричардса - пионера географических исследований в Индии, то его хронологические построения - прямое воздействие концепции Г.Чайлда.

В основу концепции С.В.Суббароа положена система трансконтинентальных коммуникаций, обусловленных главным образом физико-географическими характеристиками природной среды и элементами культурного окружения. Он выделяет три основных типа областей. Первый - области притяжения или нуклеарные районы. Второй - удаленные от культурных центров области изоляции. Третий - области относительной изоляции, расположенные между двумя упомянутыми выше. Последние характеризуются степенью их удаления от главных магистральных путей движения людей и культур, демонстрируя различия и усложненную культурную схему, так как их изоляция часто нарушается новыми вторжениями, и в результате образуется смешанный культурный комплекс местных и привнесенных элементов. Для эпохи становления и распространения производящего хозяйства у Суббароа можно наметить три уровня применения этой концепции. Первый условно можно назвать межконтинентальным, когда упомянутые выше области прослеживаются на уровне различных континентов. Нуклеарной областью становится Ближний Восток, как первичный центр происхождения земледелия и скотоводства. Европа, Северо-Африканское побережье, Северо-Западная Индия являлись областями относительной изоляции, а весь Африканский континент за огромной пустыней был зоной абсолютной изоляции. Второй уровень - внутриконтинентальный, что ярко демонстрирует материалы Индо-Пакистанского субконтинента. В прехарлаппский, харлаппский и постхарлаппский периоды Суббароа рассматривает всю схему развития материальной культуры в Индии как одну из многообразных горизонтальных экспансий более высоких культур, ведущей к перемещению, сокращению и изоляции менее развитых культур в различных частях страны. Отличие в природной среде обязано специфике культурного окружения первых земледельческих общин в разных регионах. Это культурное развитие во времени и пространстве контролировалось географическими факторами отдельных районов и относительной эффективностью барьеров - природных и антропоген-

ных. Третий уровень – региональный, когда внутри единого физико-географического района выявляются две различные тенденции в культурно-хозяйственном развитии. Яркий пример – сосуществование хараппских и постхараппских культур с мезолитическими традициями в Гуджарате и Раджхастане.

Концепция С.Б.Суббарао создавалась в те годы, когда среди большинства исследователей господствовала точка зрения о прогрессивном развитии человеческой культуры, обусловленном победоносным наступлением человека на природу. Современная наука считает оптимальным мирное сосуществование в определенных экосистемах социальных организмов, находящихся на различных этапах своего развития и приспособляющихся к окружающей среде посредством социальной адаптации (термин В.Р.Кабо).

Новые материалы позволяют прокорректировать и вопрос о происхождении производящего хозяйства, поскольку Суббарао склонялся к моноцентризму, выводя происхождение земледелия и скотоводства из аридной афро-азиатской зоны. Археологические исследования в Мергархе, открытие древней культуры риса в долине Ганга, обнаружение нового района первоначального земледелия в Новой Гвинее и Австралии и очага ранней культивации растений в Тайланде – все это определенно говорит о более сложном процессе становления производящего хозяйства в различных формах в разных частях ойкумены.

В своей концепции культурно-хозяйственных зон С.Б.Суббарао, уделяя большое внимание взаимодействию культурных традиций (именуемых им "культурной средой"), демонстрирует их различное влияние на окружающую природную среду, подчеркивая его позитивный, прогрессивный характер. Чем выше уровень развития общества, цивилизации, тем это влияние более значительно с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей. Но человек не только преобразовывал природу, но и разрушал ее, нарушал экологическое равновесие своей среды обитания. В настоящее время общепринято, что уже в эпоху позднего палеолита улучшение техники добывания пищи, интенсификация охоты, рост населения привели к прогрессирующему истреблению дичи, в том числе мамонтовой фауны, что можно характеризовать как первую глобальный экологический кризис /К.Бутцер, М.И.Будько/ на межконтинентальном уровне схемы

С.Б.Суббарао. На внутриконтинентальном уровне в эпоху энеолита и бронзы материалы Индо-Пакистанского субконтинента демонстрируют более разнообразные формы взаимодействия человека и природы. Интенсивная эксплуатация природных богатств долины Инда (ирригация, вырубка лесов, уничтожение фауны) приводит к экологическому кризису местного масштаба. Население хараппских городов вынуждено осваивать новые экологические ниши на востоке и юге от метрополии, вступая во взаимодействие с аборигенами долины Ганга, Саураштры и Декана. Заимствование передовых технологий эпохи бронзы быстро приводит к освоению новых сельскохозяйственных территорий, что ведет к оттеснению коренного населения в трудно проходимые горные районы и джунгли (новые районы абсолютной изоляции), и в свою очередь меняет облик освоенных земель: огневое подсечное земледелие уничтожает первоначальную фауну, готовя новые экологические кризисы районного значения. Довершает это наступление на природу эпоха железного топора, когда цивилизации раннеисторического периода осваивают долину Ганга.

Концепция С.Б.Суббарао может быть проиллюстрирована материалами Средней Азии. В эпоху становления производящего хозяйства, когда Подгорная полоса Копет-Дага становится зоной относительной изоляции (Джейтунская культура) по отношению к областям притяжения Ближнего Востока (Джарно, Иерихон), в горных районах намечаются зоны абсолютной изоляции (Джебел, Дам-Дам-Чешме II в восточном Прикаспии, Туткаул в Таджикистане). В эпоху становления и расцвета хараппская цивилизация являет собой область притяжения. Ее культурное воздействие осуществляется не только на народы Индо-Пакистанского субконтинента, но и далеко на запад, вплоть до цивилизации Алтын-депе, которую можно рассматривать как зону относительной изоляции одновременно и по отношению к соседним культурам иранского региона. В этом контексте памятники горных районов Таджикистана (гиссарская культура) представляют собой места обитания жителей зон абсолютной изоляции, огражденных природой от передовых форпостов ранней цивилизации.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПРОГРЕСС В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ

(по материалам культуры Донгнай)

В изучении процесса развития материальной культуры в археологических культурах или общностях мы часто сталкиваемся с 3 факторами, составляющими основу этих культур. Первый фактор - внутренний или спонтанный (по терминологии В.М.Массона), специфический и свойственный одной отдельной культуре, благодаря которому и определяется культура как таковая. Второй фактор указывает на то, что эта культура имеет контакты с другими культурами, причем проникающие инокультурные элементы не привели к существенному изменению общественного строя носителей данной культуры, а ее культурная традиция сохраняет свой путь развития. Этот фактор проявляется в наличии отдельных изделий и предметов, привозимых из других региональных культур. Третий фактор указывает на влияние, более того воздействие иных культур на данную культуру в результате чего в ней происходят существенные, коренные изменения. Данный фактор прежде всего связан с заимствованием новой технологии производства. Согласно определению В.М.Массона, оба последних фактора составляют понятие стимулированной трансформации, однако они значительно различаются по весу воздействия на рассматриваемую культуру.

В течение последних десятилетий силами вьетнамских ученых были определены пространственно-временные рамки одной из крупных культур Индо-Китайского полуострова, существовавшей в период неолита - раннего железа (3000-500 гг. до н.э.) на территории Восточного Намбо. При этом были осуществлены первые попытки сопоставления материалов культур: Донгнай с материалами других синхронных культур, известных на территориях Центрального и Северного Вьетнама, в Кампучии, Таиланде и Лаосе, в результате чего удалось выяснить ряд взаимоотношений и взаимодействий между ними. Более детальное изучение материалов культуры Донгнай позволяет выделить разные факторы ее развития.

Первый фактор заключается в том, что культура Донгнай имеет свою собственную традицию, проявляющуюся в каменной ин-

дустрии и производстве грубой, лепной красно-коричневого цвета керамике. В составе типичного для этой культуры каменного инвентаря выделяются массивные, грубо шлифованные, прямоугольные в сечении топоры 3 типов: треугольные, плечиковые и трапециевидные; жатвенные ножи дугообразной формы, крупные мотыги, долота и также каменные музыкальные инструменты - литофонь. Типичную керамическую посуду представляют круглодонные горшки, украшенные штампованными, гребенчатым или шнуровым орнаментом; миски; тарелки на низких и высоких поддонах либо цилиндрических, либо расширяющихся к основанию; очажные подставки.

Вместе с тем в материалах культуры Донгнай встречаются изделия явно инокультурного происхождения, что особенно заметно в более поздних памятниках. Так в поселениях Шуойтьён и Биньсуан обнаружены овалы в сечении топоры, весьма характерные для культур Мимот и Млу-Прея в Кампучии. Топор с широкими плечиками и зауженной частью под ними, происходящий из поселения Ратьнуй, не характерен для культуры Донгнай и, скорее всего, происходит из островных культур Юго-Восточной Азии. В этом же поселении обнаружены 4 каменных линии, появление которых можно связать с возможным влиянием синхронных индийских культур. Немногочисленные, отдельные находки бронзовых барабанов (датировка их все еще остается спорной) на территории Восточного Намбо говорит об отношениях с культурой Донгшон. Следует отметить, что наличие вышеперечисленных предметов не меняет существенно облик культуры Донгнай. В связи с этим можно предположить, что они появились здесь как результат торговли, обмена или в виде "дара метрополии своим вассалам" (на такой интерпретации настаивает австралийский археолог Г.Люфс).

Воздействие иных культур на культуру Донгнай отчетливо наблюдается на протяжении двух периодов. Так на рубеже II и I тыс. до н.э. начинает бурно развиваться бронзовая металлургия. На поселениях этого времени обнаружены богатые наборы орудий труда, оружия и предметов украшения: топоры, листовидные наколенники копий, секиры, браслеты, колокольчики, статуэтки животных. Судя по литейным формам, производились также рыболовные крючки, гарпун и шилья. Бронзовые изделия культуры Донгнай находят аналогии в культуре Донгшон, в Лаосе, Кампучии, но более всего в культуре Ноннок Тха Северо-восточного Таиланда.

В обеих культурах - Донгнай и Ноннок Тха - в числе изделий преобладают топоры с широким дугообразным лезвием. Спектральный анализ, проведенный независимо друг от друга Нгуен Зуй Ти и У.Солхеймом, показал сходство в химическом составе примесей данных изделий. Учитывая то, что на территории культуры Донгнай источники сырья пока не обнаружены, а бронзо-литейное производство в культуре Ноннок Тха появилось уже в середине II тыс. до н.э., можно предполагать заимствование новой технологии носителями культуры Донгнай. Важно то, что в развитии местной культуры вследствие этого наблюдаются существенные изменения, проявившиеся в появлении крупных поселков, где наряду с земледелием и бронзовой металлургией бурно развиваются другие отрасли хозяйства и ремесла.

Вторая волна инноваций начинается с V в. до н.э. и связывается с появлением железа и кузнечного производства. В этом периоде население культуры Донгнай разделилось на 2 группы. Первая, освоившая производство железа, по всей вероятности ассимилируется носителями культуры Шагуян. Вследствие того, что поселения данной культуры практически не изучались о ее развитии можно судить лишь по материалам погребений в керамических урнах. Погребальный инвентарь демонстрирует упадок традиционной донгнайской каменной индустрии, уступающей место железу. Последнее представлено топорами, серпами, мечами, металлической посудой и предметами украшения.

Вторая группа населения культуры Донгнай была оттеснена в район формирующейся равнины, образовавшейся в результате отступления океана. На поселениях этой группы наблюдается сохранение прежней традиции и полный набор каменных орудий до тех пор, пока здесь не появляются новые элементы, знаменующие собой финал культуры Донгнай, на этот раз со стороны носителей культуры Оч-Зо.

В заключение следует отметить, что в культуре Донгнай весьма ярко отразилась важная роль новых технологий как одного из основополагающих факторов прогресса.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В последние годы в изучении древней цивилизации Юга Аравии намечился ощутимый прогресс. Благодаря работам археологических экспедиций Германии, Италии, Франции, России и др. исследовано немалое число памятников, сделаны важные открытия, постепенно накапливается материал для крупных обобщений. Особо следует выделить работы итальянских археологов, которым на территории Северного Йемена удалось выявить и изучить памятники бронзового века (конец II тыс. до н.э.). Население, оставившее их, безусловно, было земледельческим; всего скорее, оно продвинулось сюда из района Палестины. Эти памятники, по мнению А. де Мегрэ, закрывают брешь в наших представлениях о развитии местных культур между каменным веком и сабейским периодом.

Последние десять лет в изучение древнего Йемена активно включились археологи России. Спектр их научных интересов, в основном, сосредоточен на исследовании Хадремаута. Систематически раскапывалось городище Райбун с прилегающими к нему храмами, некрополями, ирригационными сооружениями и т.д. (западная часть Внутреннего Хадремаута) и древний порт Кана, расположенный на берегу Индийского океана.

Изучение хорошо стратифицированных комплексов Райбуна, создание хронологической шкалы развития его культуры, безусловно, имеет большое значение для сравнительного изучения памятников сопредельных территорий. Есть основания полагать, что райбунский оазис был заселен земледельцами в начале I тыс. до н.э. Культура этого населения характеризуется наземными сырцовыми постройками и своеобразным комплексом керамики, среди которой выделяется краснолощенная и расписная посуда. В наборе росписей представлены изображения животных (козлы и др.), птиц (страусы), надписи и геометрический орнамент.

На более позднем этапе (вторая половина I тыс. до н.э.) расписная керамика исчезает, несколько изменяется и типология посуды. Пока трудно сказать, было ли это явление результатом саморазвития или же следствием проникновения сюда извне новых групп населения. Очевидно одно, что приблизительно 500 лет с

этого времени местная культура развивается пусть медленно, но поступательно и к концу периода достигает весьма высокого уровня развития. Одна из характерных ее особенностей - возведение многоэтажных зданий на мощных каменных цоколях со стенами, сложенными из сырца с использованием деревянных каркасов. Необходимо признать, что райбунская культура развивалась без заметных внешних импульсов, ощутимых контактов с другими цивилизациями, - единичны (если не уникальны!) даже отдельные находки импортных предметов.

Эта своеобразная культура прекращает существование приблизительно на рубеже эпох, когда все цокольные постройки оазиса гибнут в сильном пожаре. Причина происшедшей катастрофы пока не ясна. Однако, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в это время Южная Аравия активно входит в сферу международной торговли. Именно тогда на берегу Индийского океана возникает хадремаутский порт Кана, который стал не только важным пунктом морских коммуникаций, но и отправным пунктом трансаравийского торгового пути "пряностей и благовоний". Импортные товары начинают более интенсивно проникать в глубинные районы Йемена. Показательные проявления культурной трансформации этого времени хорошо прослеживаются на материалах раскопок французских археологов в Шабве, столице государства Хадремаут.

В.А.Завьялов

ФАКТОРЫ ПРОГРЕССА В ПЕРИОД СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АНТИЧНОСТИ

Период среднеазиатской античности начинаясь с походов Александра Македонского продолжается вплоть до раннего средневековья. На всем его протяжении культурное развитие данного региона определялось существовавшими здесь государственными образованиями, в числе которых Греко-Бактрийское царство, Кушанская, Парфянская и Сасанидская империи. Результаты археологических исследований позволяют выделить ряд факторов, прогрессивно воздействовавших на Среднюю Азию в самых различных аспектах человеческого бытия.

Несомненно одним из таких факторов является развитие товарно-денежных отношений, распространение которых было явно

инспирировано эллинизацией Востока. При этом, согласно исследованиям Э.В.Зеймаля, начальная стадия денежного обращения сопровождается в большинстве случаев выпуском "варварских подражаний", имевших, однако, в качестве прототипов в Самаркандском Согде монеты Антиоха I, в Бухарском Согде монеты греко-бактрийского царя Евтидема, а в Тохаристане монеты Эвкратиды и Гелиохла. В дальнейшем в период экономического подъема кушанской, парфянской, а затем и сасанидской империй роль денежного обращения существенно возрастает, увеличивается выпуск монетных эмиссий, в III в. н.э. в орбиту денежных отношений втягивается Хорезм, начавший выпускать свои собственные эмиссии.

Эллинизация Востока послужила сильным толчком к распространению письменности, что вне всякого сомнения является показателем прогресса вплоть до настоящего времени. Широко известно, что греческий алфавит, приспособленный к кушанскому языку, составил основу бактрийского письма, значительное распространение которого на территории кушанского государства засвидетельствовано многочисленными надписями, в том числе и на монетах.

В качестве одного из показателей прогресса следует рассматривать также введение новых технологий и изобретений в самых различных отраслях деятельности человечества. Многие из них, привнесенные на территорию Средней Азии еще греками, продолжают существовать на протяжении всего античного периода, а некоторые даже выходят за его рамки. Так, по заключению Э.В. Сайко, в IV-V вв. до н.э. существенно меняются технико-технологические характеристики в керамическом производстве, связанные с усовершенствованием гончарного круга. Под эллинистическим воздействием видоизменяется облик архитектуры, ярче всего проявившийся в архитектурном декоре и элементах кровли. Помимо Ай-Ханум — реального эллинистического города — элементы архитектурного декора и кровли засвидетельствованы при раскопках в парфянской Нисе, в ряде кушанских городов таких как Дальверзин-тепе, Зар-тепе. Недавние раскопки крепости Каладжик в Хорезме, относящейся к кангуйскому периоду, дали полный набор элементов кровли, в числе которых калиптеры, солены и антефиксы. Как показали раскопки в Ай-Ханум дальнейшее развитие в это время подучает и система мер и весов. Последние были обнаружены

здесь в той мере, которая позволила их полностью реконструировать. В пользу этого свидетельствуют также весовые стандарты монет, менявшиеся с течением времени, примером чему может служить реформа денежной эмиссии в правление кушанского царя Вимы Кадфиза, проведенная, по-видимому не без влияния римских весовых стандартов.

К прогрессивным явлениям в сфере быта, возможно, относятся домашние бани, известные по результатам раскопок в Ай-Ханум, Дальверзин-тепе и Зар-тепе, а также система запираания дверей ключами лаконикийского типа, широко распространенными впоследствии вплоть до раннего средневековья (Ай-Ханум, Зар-тепе, Ак-тепе II, Пенджикент).

Весьма значительное влияние на развитие прогресса в эпоху античности оказали градостроительство и ирригация. Роль городов как политико-административных, экономических, идеологических и культурных центров, во многих отношениях способствовавших сохранению и распространению прогрессивных явлений, достаточно очевидна и не нуждается в особых доказательствах, учитывая, что эта тема постоянно находится в поле зрения отечественной науки. По сравнению с предшествующими периодами дальнейшее развитие получает ирригация, масштаб которой, судя по освоению новых территорий, располагавшихся на значительном удалении от естественных водных ресурсов, интенсивно возрастает, что особенно заметно в результате исследования кушанских памятников. Как следствие взаимодействия и действия вышеперечисленных факторов можно рассматривать появление именно в это время трансконтинентального Великого пути, который и сам по себе являлся фактором прогресса, способствовавшим распространению экономических и культурных достижений вдоль всей его трассы от Китая до Рима.

И все же одним из самых выдающихся факторов прогресса эпохи античности является появление и широкое распространение мировых религий: христианства, буддизма и в меньшей степени зороастризма и манихейства. Их воздействие проявилось не только в духовной сфере, но также в значительной мере способствовало развитию культовой архитектуры, письменности, скульптуры, живописи и искусства малых форм.

Если сравнить прогрессивные факторы эпохи среднеазиатской античности с достижениями древневосточных цивилизаций Ш-П тыс. до н.э., то становится очевидным, что за исключением денежного обращения и появления мировых религий они во многом сходны. Однако масштабность их воздействия на развитие человечества в античный период неизмеримо выше. В этом отношении, очевидно, уместно в заключение привести мысль, высказанную Пьером Тейяром де Шарденом в его монографии "Феномен человека": "Как наш разум, случайно открыв перспективы пространства - времени, не может избавиться от этого, так наши губы не смогут забыть однажды испробованного вкуса универсального и прочного прогресса".

В.П.Никонов

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ КАТАФРАКТАРИИ КАК ПРОДУКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БОЛЬНЫХ ШКОЛ ЗАПАДА И ВОСТОКА В ЭПОХУ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Грандиозные завоевания Александра Македонского на Востоке в последней трети IV в. до н.э. открыли эру тесного взаимодействия между эллинской и древневосточными цивилизациями в самых различных областях культуры. Одним из важнейших аспектов этого взаимодействия стало военное дело. Именно здесь народы Средней Азии, подвергнувшиеся греко-македонской агрессии, испытали сильное влияние со стороны неприятеля, что в результате довольно быстро сказалось в серьезных изменениях, которые произошли как в их вооружении, так и в тактике боя. Прежде всего это относится к появлению в среднеазиатских степях конницы бронированных пикейчиков, так называемых катафрактариев.

Надо сказать, что в среде кочевых и полукочевых народов Средней Азии обывание сражаться с коня в тяжелом защитном снаряжении существовало еще в эпоху до походов Александра. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас данные античной нарративной традиции, восходящие в своей основе к авторам того времени. Так, сообщается, что массагеты снабжали своих коней бронзовыми нагрудниками /Геродот, I, 215/, а сами носили панцири /Страбон, XI, 8,6/. Также известно, что в битве при Гавгамелах (331 г. до н.э.) армии Александра противостояли среднеазиатские скифы, которые были надежно защищены доспехами вместе со своими конями /Арриан. Анаб., III, 13,4/. Согласно еще одному сообщению,

они, кроме панцирей, дополнительно использовали щиты /там же, IY,4,4/. Правда, для рассматриваемой эпохи мы не располагаем какими-либо изобразительными или вещественными свидетельствами, которые бы позволили более детально представить комплекс оборонительного и наступательного вооружения этих конных воинов. Впрочем, можно предположить, что их панцири были по преимуществу металлическими чешуйчатыми, шлемы выковывались из бронзы, а главным наступательным оружием являлось копье, примерно 2 м длины, которое применялось как в ближнем бою - для нанесения колющего удара, так и на дистанции - для метания. Тактическая роль тяжеловооруженных конников в тот период, очевидно, сводилась к атакующим действиям в виде достаточно компактно построенного ударного кулака, который возглавлял основную массу войска, состоящую из легковооруженных стрелков из лука, шедших в бой беспорядочной конной лавой. Такая тактика могла приносить частичный успех в борьбе против хорошо организованной греко-македонской армии - примером тому является комбинированная атака броненосных скифских и легких бактрийских всадников при Гавгамелах /Арриан. Анаб., III,13,3-4/, однако для ее большей эффективности требовалось, прежде всего, усовершенствование наступательного вооружения тяжелой конницы, а именно введение длинной и тяжелой пики - главного оружия классических катафрактариев.

Это важное новшество родилось как раз в ходе военных столкновений между среднеазиатскими степняками и греко-македонскими войсками. Идея массивной таранной пики, надо полагать, скорее всего возникла в результате знакомства первых с македонской кавалеристской сариссой. Этой очень длинной (от 4,5 до 5,4 м) пикой была оснащена тяжелая конница Александра Великого. Сама сарисса была нововведением отца последнего, Филиппа II, который вооружил ею свою кавалерию с целью усиления ее атакующей мощи. Конница Филиппа действовала в клинообразном строю и была первоначально предназначена для прорыва фаланги гоплитов - главного рода войск эллинических государств, с которыми Македония вела борьбу за гегемонию на Балканском полуострове. В дальнейшем Александр также использовал атаку противника клином тяжелой кавалерии сариссофоров, как это было, например, в сражении

при Гавгамелах, когда такой натиск оказал решающее влияние на ход всей битвы /Арриан. Анаб., III, 14, 2-3/. Вооруженные сариссами македонские конники также проявили себя позднее в боях со среднеазиатскими скифами /там же, IV, 4, 6/.

Следствием этих военных контактов стало появление не позднее рубежа IV-III вв. до н.э. у кочевых племен степного ареала Средней Азии между Каспийским морем и Восточным Приаральем нового типа тяжеловооруженной конницы - катафрактариев. Среднеазиатские степняки, издавна практиковавшие бой верхом на коне в доспехах, восприняли и адаптировали главное оружие македонских конных пикейщиков - сариссу, а также их тактику мощного натиска сплоченного конного кулака, оцетинившегося пиками, на вражеский боевой порядок с целью его прорыва и последующего уничтожения. Впрочем, номады приспособили эти новшества к особенностям своего военного дела. Так, во-первых, они модифицировали сариссу, сделав свои пики короче (3-3,5 м), но с более массивными древками, что значительно повысило их мощность и надежность. В отличие от сариссы, которая обычно держалась в бою одной рукой, новая пика из-за своего веса сжималась уже обеими руками. Во-вторых, был сохранен прежний, традиционный для степного Востока принцип тактического использования тяжелой конницы - она, как и раньше, взаимодействовала с легкой кавалерией лучников, тогда как в западных эллинистических армиях это взаимодействие осуществлялось с тяжелой пехотой. Добавим, что по сравнению с македонскими всадниками-сариссофорами, круг тактических задач катафрактариев был шире: помимо фронтальной атаки боевого порядка противника, в их обязанности входило также сдерживание неприятельских контратак.

Наглядное представление о вооружении первых среднеазиатских катафрактариев дают, в частности, материалы из Южного и Восточного Приаралья, датированные концом IV-II вв. до н.э.: это, прежде всего, уникальное изображение всадника, вместе со своим конем облаченного в тяжелые доспехи, на керамической фляге из Хумбуз-тепе, а также части панцирного снаряжения, обнаруженные при раскопках круглого погребального сооружения на городище Чирик-Рабат; изображения длинных всаднических копий встречаются на рельефах сосудов из Кой-Крылган-кала,

Калалы-гыр 2, Джанбас-кала и на печати из Беркут-кала. Кроме этого, предметы защитного вооружения всадника-катафрактария середины II в. до н.э. были найдены в "арсенале" городища Ай Ханум в Южной Бактрии. Фрагменты раннепарфянских панцирей были обнаружены в Квадратном доме городища Старая Ниса.

Появление катафрактариев, эффективно координировавших свои действия в бою с основным по численности контингентом конного войска - легковооруженными лучниками, дало народам Средней Азии значительное преимущество в борьбе с армиями эллинистических государств. Дебютом конницы катафрактариев можно рассматривать успешное вторжение кочевников парнов-дахов во главе со своим вождем Аршаком в середине III в. до н.э. из районов Восточного Прикаспия в области Северо-Восточного Ирана, завоевание которых положило начало могущественному государству парфянских Аршакидов. И в дальнейшем катафрактарии занимали самое видное место в парфянском войске, сыграв, в частности, очень важную роль в знаменитом разгроме римской армии во главе с Марком Крассом при Каррах в 53 г. до н.э.

Можно предположить, что в битве между армиями селевкидского царя Антиоха III и греко-бактрийского монарха Евтидема при реке Арий в 208 г. до н.э., о которой мы знаем из рассказа Полибия /X,49,1-14/, на стороне последнего сражались катафрактарии бактрийского происхождения, оснащенные доспехами типа найденных в Ай Ханум. Очевидно, под влиянием опыта, приобретенного в ходе военных кампаний против Парфии и Греко-Бактрии, Антиох III ввел подразделения катафрактариев восточного происхождения в свою армию. Что же касается самой Бактрии, то катафрактарии продолжали использоваться здесь и позднее - в позднеэвхаткийский и раннекушанский периоды, о чем свидетельствуют скульптурные фрагменты из Халчаяна и фрагменты настенной живописи из Дальверзин-тепе.

Наконец, конница катафрактариев определенно сыграла значительную роль в ходе развернувшегося во второй половине II в. до н.э. широкого наступления кочевых народов Средней Азии на Греко-Бактрийское царство, завершившегося его падением. Не случайно многие правители так называемого индо-скифских династий, основанных пришедшими с севера кочевниками в землях

индо-иранского приграничья не позднее I в. до н.э. - Мауэс, Спалирис, Волон, Азес, Азилис и др. - изображали себя на монетах в виде тяжеловооруженных всадников-катафрактариев.

Г.Н.Курочкин

"ЭРА КЕНТАВРА" В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПНОЙ ЗОНЕ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Современные историки при изучении ранних и средневековых кочевников вынуждены опираться на полное непонимание и субъективизм письменных источников, оставленных представителями тех оседло-земледельческих цивилизаций, которые во многих случаях были враждебны кочевникам. Кроме того, большинство кочевниковедов последнего времени работало в социалистических странах и потому многие из них были вынуждены соотносить результаты своих исследований с догмами господствующей в этих странах идеологии марксизма-ленинизма. Устранить образовавшиеся перекосы можно путем широкого комплексного изучения кочевого мира, с привлечением различных источников, включая данные археологии, которые быстро увеличиваются и дают более объективное представление о зарождении номуадизма и культурной среде кочевников прошлого.

Обширные пространства Великой степи, которую Н.К.Перих называл "главной артерией движения народов", с начала I тыс. до н.э. и до середины II тыс. н.э. озаряла "вольтова дуга" кочевых миграций. Источником крупномасштабных кочевых экспансий, своеобразным "анодом" этой энергетической дуги, откуда в направлении Европы постоянно текли заряженные человеческие ионы, была Центральная Азия. Таборное расселение полуседлых пастушеских народов эпохи бронзы в евразийской степной зоне сменилось после широкого освоения лошади под верх рапидными миграциями ранних кочевников центрально-азиатского происхождения (рис. I). Именно из "глубин Азии" пришли на запад сначала скифы, ранние сарматы, авары и аланы, затем многие тюркоязычные народы, еще позднее - монголы и ойраты-калмыки.

Природно-климатические условия в противоположных концах Великой степи сильно различаются. В западном ареале (от ЮВ Европы до Северного Казахстана и частично Западной Сибири) преобладают черноземы и темно-каштановые почвы, наиболее удобные

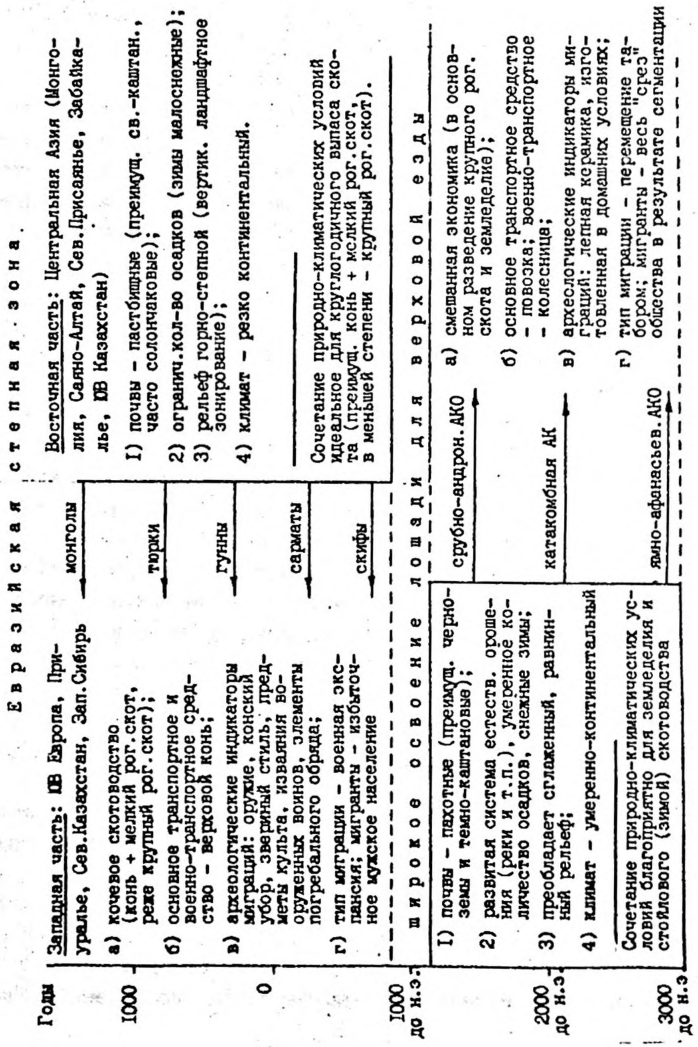

Рис. 1.

для земледелия, стойлового и отгонного скотоводства. Зимы здесь снежные, что требует заготовки большого количества фуража. При низком уровне развития производительных сил это сдерживало рост поголовья скота. В Монголии же, бывшей эпицентром кочевых миграций, из 125 млн. га сельско-хозяйственных угодий менее 1% земель пригодно для земледелия, а 123 млн. га используется под пастбища и сенокосы. 80-90% осадков выпадают в Монголии с мая по сентябрь, что приводит к малоснежной зиме, создавая возможности для содержания скота под открытым небом на протяжении всего года. В Центральной Азии преобладает горный ландшафт, создающий наиболее благоприятные условия для сезонных перекочевков: зимой горы укрывают скот от сильных ветров, а летом можно выпастать скот в жару на северных склонах и высокогорных пастбищах. Таким образом, Центральная Азия (Монголия, Восточный Казахстан, Саяно-Алтай) по комплексу природных условий наиболее пригодна для высокопродуктивных специфических форм скотоводства (2-4-х разовые сезонные перекочевки; преимущественное разведение коней и мелкого рогатого скота, способных добывать себе корм круглогодично).

Марксистская методология истории всегда недооценивала биологические факторы при изучении исторических процессов и явлений. Любая попытка взглянуть на арену мировой истории не с точки зрения борьбы классов и смены социально-экономических формаций, а как на противоборство человеческих популяций на биологическом уровне сходу клеймилось ярлыками типа "социал-дарвинизм" и т.п. За последнее время лишь один Л.Н.Гумилев (весьма вольно обращавшийся с конкретными фактами и являвшийся более литератором, чем историком) на чисто интуитивном уровне (здесь, видимо, сказались "гены" двух крупных поэтов "серебряного века") за регулярными выплесками "конной лавы" из Центральной Азии пытался разглядеть природные, естественные механизмы. Вместе с тем, Л.Н.Гумилев так и не смог вразумительно объяснить причин "пассионарности", повышенной биоэнергетики кочевых народов центральноазиатского происхождения. Мне кажется, что причины повышенной агрессивности, брутальности, биологической активности кочевых этносов следует искать не в усыхании или увлажнении Великой степи, а в самой природе номадизма как специфического образа жизни.

Оседлые народы, современники и соседи кочевников центрально-азиатского происхождения, часто уподобляли их диким животным. Китайские источники сообщают о "северных варварах", что те "имеют лицо человека и сердце дикого зверя", эти же источники именуют хуннов "собачьими варварами". Полиэн (УП, 2, I) говорит о киммерийцах, что они имели "отвратительные и зверовидные тела". Аммиан Марцеллин /История, III, 236-243/ пишет о европейских гуннах, что те "питаются сырым мясом и отличаются страшным и чудовищным видом, так что можно принять их за двуногих зверей". Сирийский автор VI в. называет аланов "дикими зверьми, питающимися мясом скота" и т.д. Византийский автор XII в. пишет о половцах: "волчьи обычаи воспитали этих людей". Ему вторит русский летописец, называя половецкого хана Боняка "шелудивым хыщником" и сообщая, что перед боем тот выл по-волчьи, обращаясь к своему покровителю-волку, и настоящие волки ему откликались. Сяньбийская царица, выданная замуж за тюркского хана Шаболис, говорит о нем: "Хан по его свойствам есть волк". И сами кочевники любили сравнивать себя с волками, часто вели свое происхождение от волка, называли волка в качестве покровителя или воспитателя, изображали на знамени волчью голову и т.д. Это характерно не только для народов тюрко-монгольского происхождения, но и для более древних ираноязычных кочевников, хотя источники для этого раннего периода скудны. В нартском эпосе осетин, донесшем до нас отголоски скифо-сарматской идеологии, о богатыре Сослане сказано, что он закален в волчьем молоке, другой персонаж - Уастырджы - представляет в преданиях в образе волка и т.п.

Евразийские кочевники были первыми за всю историю человечества народами, которые перешли на преимущественно мясо-молочное питание. Мясной рацион, как можно предполагать, привел постепенно, на протяжении жизни нескольких поколений, к физиологической перестройке организма, а затем в конечном итоге определенным образом сказался на этнопсихологии, изменении поведенческого стереотипа. В частности, установлено, что мясо-молочная пища содержит легко усваиваемое железо, кальций, некоторые аминокислоты, отсутствие которых в организме приводит к анемии, апатии, вялости, пассивности и т.п., т.е. свойствами,

противоположным тем, которые прослеживаются по письменным источникам для ранних и средневековых кочевников. К сожалению, в современной биологии вопрос обусловленности морфофункциональных особенностей человеческих популяций от типа питания хотя и поставлен, но пока изучен слабо.

Как способ производства, номадизм не требовал большого количества рабочих рук, собственность (земля, режа скот) у кочевников, как правило, не дробилась между наследниками, и потому в кочевых обществах постоянно создавался избыток незанятого в производстве мужского населения (особенно молодежи), хорошо владевшего с детства верховым конем и оружием. Эти "лишние люди" являлись инициаторами и участниками столь характерных для кочевых обществ набегов и угонов скота. Первоначальным объектом нападений кочевников были не оседлые народы, а другие кочевники. Попытки положить конец бесконечным межплеменным столкновениям рано или поздно приводили к созданию державшихся на силе оружия социальных структур, которые обычно называют "военно-племенными союзами". Основная, первичная функция этих образований была внутренняя, стабилизационная. Показательно, что Чингиз-хан главным итогом своей жизни назвал не военные победы, обширные территориальные захваты и покорение многих стран и народов, а восстановление порядка и дисциплины в своем войске и народе.

Постоянную вражду кочевых кланов и племен можно было прекратить, создав жесткую надплеменную милитаризованную структуру, основанную на строгой субординации и беспрекословном повиновении, после чего сконцентрированная и неполучавшая выхода внутри данного социума агрессивная энергия могла быть реализована только в форме военных экспансий. Для того, чтобы военно-племенной союз перерос в кочевую империю, одной самой идеальной военной организации было недостаточно. Нужна была цементирующая общество идеология. Такой идеологией у кочевников эпохи образования империй был воинственный, агрессивный национализм, основанный на декларированном кровном родстве и сопровождавшийся появлением фигуры национального вождя-диктатора. Хорошо известно, что Темучин-Чингиз-хан, одолев основного соперника и названного брата Джамуху, апеллировавшего к социальным низам в лице "овечьих пастухов", превратил древний

и узко локальный этноним "монголь" в название державы и династии и выдвинул простую и ясную программу, которая не нуждается в комментариях: "Я хочу всюду водворить тишину кладбища, снести с подноса Вселенной города, чтобы всюду расстилались зеленые привольные степи, паслись монгольские сытые кони, стояли монгольские кочевья, где полногрудые монголки кормили бы своим молоком толстых веселых детей!"

Такого же рода лидерами, "отцами народов" были Колаксай у скифов, Моцэ-шанъэй у хуннов, Огуз-каган у турков и т.д. Широкое и быстрое распространение оригинального раннескифского "эвериного стиля" и других этнохарактеризующих элементов культуры является археологическим свидетельством внедрения "национальной" идеологии кочевниками центральноазиатского происхождения во время их крупномасштабной экспансии в западном направлении из района Центральной Азии.

В советской историографии давались различные характеристики социально-экономического устройства кочевых обществ евразийской степной зоны: военная демократия, рабовладельческий строй, феодальное общество или нечто особое, чему так и не найдено подходящего названия. В целом суммарный анализ источников показал, что для однотипных по существу кочевых империй древности и средневековья (от скифов до монголов) характерно сочетание трех основных видов эксплуатации (при частной собственности на скот и общинно-государственной - на землю):

- а) эксплуатация военно-аристократической кастой своих соплеменников путем отдачи скота на выпас (т.н., саунная система);
- б) эксплуатация одними, занимающими господствующее положение, племенами и кланами других кочевых племен путем взимания дани;
- в) "экзополитарный" способ эксплуатации оседлых, городских центров, от самых варварских форм - грабежи, набеги и т.п. - до более цивилизованных - в виде различных поборов и дани и даже предложения военно-рэкетирических услуг для защиты от других кочевников.

В VII-VI вв. до н.э. впервые пересеклись геополитические интересы сразу трех социально-экономических систем, трех основных регионов древнего мира. Конгломерат бюрократизированных деспотий Ближнего Востока оказался как бы зажатым в клещи

с двух сторон: с запада энергично осуществлялась колонизация греками Восточного Средиземноморья, Малой Азии и всего черноморского побережья, с востока (северо-востока) вторглись сначала полукочевые ираноязычные племена (мидяне и др.), а затем начались вторжения скифов, заключивших союз с мидянами в борьбе против Урарту и Ассирии. В дальнейшем интересы мидян и скифов вступили в противоречие, и после кровавой, по существу, мафиозной разборки на пиру у Киаксара, где были перебиты скифские вожди, скифы покинули Переднюю Азию, что, впрочем, не сняло угрозы со стороны кочевников для древневосточных городов и государств. Своеобразной реакцией Древнего Востока на сжимающиеся с запада и востока клещи стало образование Ахеменидской империи. Основные внешнеполитические акции Ахеменидов – греко-персидские войны и походы Кира Великого против саков и Дария I против скифов – преследовали задачу, во-первых, нейтрализации материковой Греции, которая оказывала поддержку малоазийским греческим городам, монополизировавшим морскую и прибрежную торговлю, во-вторых, предотвращения кочевых вторжений на Ближний Восток. Интересно, что в борьбе персов с греками кочевники-саки играли весьма заметную роль, являясь одной из элитарных частей ахеменидского войска.

Н. Ю. Кузьмин

ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Периодизация и хронология древних памятников Минусинской котловины, предложенная С. А. Теплоуховым, решала основную задачу археологии Сибири начала века, а именно, создание схемы последовательной смены археологических культур. Методика исследования автора (изучение стратиграфии и изменения обряда памятников одного ограниченного региона), а также объем полученного материала определили эволюционный подход к решению проблемы.

Дальнейшее накопление археологических материалов постепенно привело к выводу о более сложном, чем это казалось ранее, характере формирования и взаимодействия различных культур Минусинской котловины, где имели место и миграции

(афанасьевская, окуневская, андроновская культуры), и одновременное сосуществование двух и более культур (афанасьевская-окуневская, окуневская-андроновская-карасукская), и внешние культурные воздействия.

В настоящее время такой подход реализуется в более углубленном изучении конкретных культур: выявления традиций и инноваций, определении характера и причин изменений в развитии, поиска этноопределяющих компонентов и др. Результатом таких исследований нередко является констатация более значительной, чем предполагалось, роли внешних воздействий в сложении, развитии и трансформации культур. Подтверждает это предположение и история изучения тагарской культуры.

С.А.Теплоухов выделил в тагарской культуре четыре последовательных этапа. М.П.Грязнов первоначально также относил памятники тагарской культуры к четырем этапам, позднее на материалах раскопок Красноярской экспедиции им и сотрудниками экспедиции число этапов было увеличено до семи. Каждому из этапов отводился приблизительно одинаковый отрезок времени (сто лет), кроме заключительного тесинского (двести лет). Причины различий, отмеченных исследователями в памятниках разных этапов, трактовались однозначно, как эволюционные изменения. Вопрос о возможной синхронности памятников разных этапов, отличающихся по этнокультурным составляющим, не ставился.

Сравнительный анализ памятников всех этапов позволил автору установить, что, исходя из наиболее значительных изменений в конструкции, обряде и инвентаре, можно выделить три основных культурно-исторических периода в развитии тагарской культуры. Данные вывод с некоторыми коррективами сопоставимы с выделенными С.В.Киселевым тремя стадиями. При изучении памятников трех периодов - раннетагарского (УШ-УІ вв. до н.э.), среднетагарского (сарагашенского, У-Ш вв. до н.э.) и позднетагарского (тесинского, П-І вв. до н.э., по М.П.Грязнову) ключевыми моментами являются: формирование тагарской культуры в начале первого из периодов, а также изменения культуры на стыке периодов. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Материалы, полученные автором во время раскопок каменно-ложских оград и около сорока раннетагарских курганов на юге у д.р.Верхний Аскиз, дают возможность предложить отличную от

эволюционной трактовку этнокультурных процессов, определивших формирование тагарской культуры. Планиграфия курганного могильника позволила синхронизировать погребения баиновского и подгорновского типов. При этом баиновские курганы обнаруживают несомненную связь с каменноложскими оградами по ряду элементов конструкции, обряда, типам некоторых вещей. В свою очередь, в курганах подгорновского типа (особенно в погребениях знати) выделяются отдельные элементы, сопоставимые с наиболее ранним из памятников скифского круга – курганом Аржан в Туве, а также с памятниками Казахстана. Последние аналогии отмечались ранее Н.Л.Членовой и М.Л.Подольским.

Видимо, некоторые элементы сходства могут быть объяснены общеэпохальными событиями – сложением близких по облику скифо-сибирских культур, другие свидетельствуют о непосредственном инокультурном воздействии. В дальнейшем происходит смешение баиновско-подгорновских черт, унификация культуры, что отражает, вероятно, период стабильного существования общества.

Следующий критический момент развития культуры приходится на конец раннетагарского периода и связан, на наш взгляд, с распространением погребений биджинского типа. В настоящее время существует лишь их краткая характеристика М.П.Завитухиной. Подобные памятники исследовались нами на оросительной системе Тасхыл на юге Хакасии (1990 г.) и на дороге Чарков-Усть-Бурь в северо-западной части республики (1992–1993 гг.).

Стратиграфически устанавливается, что ряд биджинских погребений позднее подгорновских, однако, это наблюдение, возможно, отражает лишь поздний этап их существования. Не исключено, что в течение какого-то промежутка времени позднеподгорновские и биджинские памятники могли сосуществовать.

Для биджинских могил характерны новые элементы, не связанные с памятниками подгорновского типа: обширные ямы, коллективные захоронения, специфические орудия (топоры вместо чеканов), характерные типы керамики. Этническими определителями, вероятно, являются особые типы сложных украшений, состоящих из бронзовых пронизок и биконических бусин, стеклянных бусин, а также характерные повторяющиеся орнаменты на сосудах. Видимо, распространение памятников биджинского типа связано с появлением

нового населения, пришедшего, скорее всего, с юго-запада. Итогом смешения местного и пришлого населения в конце раннетагарского периода явилась, на наш взгляд, выработка новых культурных канонov, давших импульс развитию культуры в новой среднетагарском (сарагашенском) периоде, начало которого можно датировать рубежом VI-V вв. до н.э.

Благодаря работам С.А.Теплоухова, С.В.Киселева, М.П.Грязнова и М.Н.Пшеницкой основные особенности достаточно стабильного развития культуры в этот период уже довольно хорошо изучены. Проследить особенности культуры в конце данного периода помогли широкомасштабные раскопки, проведенные на юге Хакасии в восьмидесятые годы молодым поколением исследователей.

Смена среднетагарского периода позднетагарским (тесинским) маркируется распространением новых типов памятников - курганов-склепов с коллективным захоронением и миниатюрным инвентарем, а также грунтовых могильников. Точки зрения на их культурную принадлежность и датировку существенно расходятся. По наиболее распространенной в настоящее время версии грунтовые могильники оставлены пришлым инокультурным населением, а курганы-склепы продолжают тагарские традиции.

На наш взгляд, финальными памятниками тагарской культуры следует считать поздне-сарагашенские курганы лепешкинского типа, в которых концентрируются черты, ставшие характерными для следующей тесинской культуры. Появление тесинских курганов-склепов несмотря на то, что в них еще прослеживаются традиции предшествующей культуры, отражают замену основных культурных стереотипов в соответствии с условиями новой гунно-сарматской эпохи. Изменение тагарской культуры произошло, несомненно, под влиянием внешнего воздействия, хотя археологически инокультурное население фиксируется только с момента появления грунтовых могильников. Однако, сам факт мирного сосуществования и, видимо, взаимоассимиляции позднетагарских племен, соорудивших склепы, и пришлого населения, хоронившего умерших в грунтовых могильниках, свидетельствует о сложении во II в. до н.э. новой тесинской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что внешние инокультурные воздействия на население Минусинской котловины имело различные последствия: в первом случае оно послужило одним из

факторов формирования тагарской культуры, в другом – импульсом к ее изменению, в третьем – привело к полной трансформации культуры.

А.Ю.Маретин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ АЗИИ И ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вопрос о взаимодействии ранних кочевников Евразии и оседлых, в частности ближневосточных, цивилизаций получил широкое освещение в литературе. Вместе с тем накопление археологического материала, удревнение "скифского" периода, исследование ранних "царских" курганов позволяют еще раз вернуться к нему. Специфические черты хозяйства кочевников ускоряли процессы социальной и имущественной дифференциации, вызвали повышенную военную активность и обуславливали необходимость контактов с земледельцами, многие из которых имели традиционную государственную структуру.

В этих условиях формирования элитарной субкультуры раннекочевнических обществ особое значение приобретало использование уже сложившихся стандартов и эталонов.

Свидетельством ранних связей кочевников и земледельцев являются мавзолеи Северного Тагискана. Традиционно относимые к эпохе поздней бронзы на основании керамики и наконечников стрел что определяет время сооружения, по ряду признаков – монументальность, генетическая связь с Аржаном и сакскими могильниками Приаралья – позволяют предполагать в них раннесакские "царские" усыпальницы. Помимо традиций, уводящих в круг бегазы-дандыбаевской и андроновской культур, С.П.Толстов выделяет компонент, "корнями" связывающий мавзолеи с "высокой южной цивилизацией" – сырцовая архитектура и великолепная гончарная керамика.

В дальнейшем в раннесакских комплексах Приаралья (Уйгарак, Сакар-Чага VI) встречается маргианская керамика типа Яз П.

Широкое освещение в литературе получили предметы ближневосточного импорта из алтайских погребений знати. Ткани и

ковры, высоко ценившиеся на Востоке и найденные в этих курганах, отличаются высочайшим качеством, изготовление их требовало огромных затрат труда. Могилы, изображенные здесь, находят себе аналогии во фризе на одежде Ксеркса в Персеполе, на могиле Артаксеркса II, во фризе из Суз. Шерстяные ткани и ворсовые ковры найдены в конских захоронениях и использовались для покрывания чепраков и седел.

Помимо непосредственных импортов в алтайском искусстве широко представлены заимствованные с Ближнего Востока мотивы и композиционные приемы.

С Передней Азией связан мотив крылатых коней, найденных в Исске, здесь же обнаружены фигуры животных с вывернутой задней частью тела.

При этом некоторые образы, своеобразие их трактовки указывают на их проникновение в доахеменидский период. Пазырыкские, Батадарский и Иссский курганы датируются VI-началом IV в. до н.э., временем расцвета скифо-сибирских культур.

Помимо отдельных письменных источников, свидетельствующих о натиске степняков начиная с конца IX в. до н.э. (ассирийские клинописные таблички, китайские летописи), события, связанные с эпохой становления кочевого скотоводства, нашли отражение в ранних частях Авесты, а также древнеиранском эпосе (Шахнамэ). Последние свидетельствуют об агрессивности северных "туранцев" (сакских племен), в качестве зоны контакта выступают территории северного Ирана и юга Средней Азии.

Главным образом, в связи с военными действиями упоминаются саки в ранней античной литературе. Здесь проявляются определенные оттенки: если у Геродота саки - просто подданные персидского царя, то у Ктесия они выступают в роли союзников. Видимо, данные расхождения объясняются происхождением первоисточников: если большинство античных авторов получали информацию от персов либо через третьи руки, а Авеста представляет собой священную книгу древнеземледельческих племен, то в основу сочинения Ктесия лег сакский эпос. Кроме того, определенную роль играет и хронологический фактор: неподготовленные к отражению конных лучников земледельцы со временем выработали способ войны с кочевниками.

При характеристике уровня развития степного населения также проступают различные тенденции. С одной стороны, рассказ Геродота об обычаях массагетов (поедание стариков и т.п.), подтверждаемый Страбоном в отношении дербиков и каспийцев; с другой — царица массагетов Томирис смогла собрать достаточное войско, чтобы разбить Кира. У Ктесия, при описании деяний сакской царицы Заринь, говорится, что она покорила пограничных варваров, поработила саков, основала немалые города и привела большую часть страны в возделанный вид. Сакский царь Аморг, первоначально воевавший с Киrom, становится его союзником, выручает в битве с дербиками, и перед смертью Кир завещает своим сыновьям дружить с ним. В пользу возможности существования у саков династий служит указание Ктесия о том, что за деятельность Заринь на ее похоронах ей воздали большие почести, чем ее предкам.

Таким образом, сопоставление данных письменных и археологических источников свидетельствует о низком (сравнительно с земледельческим) уровне развития кочевников, в среде которых стремительно развивались процессы имущественной и социальной дифференциации, возросшая податность населения вовлекла в них периферийные районы. Зоной контакта азиатских кочевников с ближневосточным миром являлась Средняя Азия. Племена, заселявшие в то время территорию будущей Индийской и Ахеменидской державы, имели еще родоплеменную структуру. Вместе с тем, на них значительное влияние оказывали Вавилон и Ассирия с их древними государственными традициями, завоевательная политика которых, смешение населения в значительной степени подготовило создание Мидийской и Ахеменидской держав. Социальная стратификация ближневосточного общества, веками вырабатывавшаяся среди оседлого населения, не могла быть использована в кочевой среде, но роскошь и высокое положение восточных владык должна была повлиять на сложившуюся военную верхушку кочевников, формирование "элитарной субкультуры".

Становление Мидийской, а затем Ахеменидской держав, включение ряда кочевых племен в состав оседлых государств несколько стабилизировало отношения, противоборство дополняется сотрудничеством. Кочевники отодвигаются в степь, где

отдельные либо хаотично расположенные "царские" курганы сменяются цепочками погребений племенной знати, количество их увеличивается, масштабность сооружений в целом сокращается, что может быть расценено как оформление внутренней элитарной субкультуры. Находки в курганах знати этого периода свидетельствуют как о сохранении и местном развитии позаимствованных ранее образов, так и продолжении поступления предметов ближневосточной роскоши.

С.С.Миняев

КОЧЕВНИКИ АЗИИ И ЭПОХА СЮННУ

В конце III в. до н.э. население обширного ареала Центральной Азии вступает в новый этап своего развития. Он связан с усилением племен сюнну (хунну), за короткий срок подчинивших своих близких, а затем и отдаленных соседей. В результате в азиатских степях за несколько лет образовалось мощное племенное объединение, власть которого распространялась на огромные пространства от Хуанхэ до Байкала и от Маньчжурии до Енисея.

После своего усиления сюнну попадают в поле зрения древнекитайских историков, которые перечислили важнейшие события сюннуской эпохи и зафиксировали характер общественных отношений и обычаи сюнну. Однако современники сюнну, хронисты ханьского времени ничего не смогли сообщить о происхождении этого народа, что наглядно подчеркивает трудности в разработке проблемы сюннуского этногенеза. Бывавшая одно время в литературе версия об "ордосской прародине" сюнну была основана на ошибочной трактовке сведений письменных источников и ее несостоятельность в настоящее время очевидна /Миняев, 1989; он же, 1990/. Данные антропологии и лингвистики крайне недостаточны и весьма противоречивы.

Таким образом, для разработки проблемы происхождения сюнну решающую роль в настоящее время играют археологические источники. Эти источники показывают, что материальная культура сюнну прошла определенный период формирования, когда

развитие традиций различных племен скифского времени, вошедших в племенной союз, испытало колоссальное влияние новых идей в области технологии и организации военного дела. Сформировавшийся комплекс новаций благодаря созданию огромного племенного союза в стандартизованном виде получил распространение на обширной территории. Как результат материальная культура, традиционно именуемая "сюннуской", во II-I вв. до н.э. представляет собой внеэтническое сочетание признаков, истоки которого бесполезно искать в какой-либо одной культуре скифского времени.

В то же время данный комплекс в опосредованном виде зафиксировал резкое социальное расслоение сюннуского общества в период его расцвета во II-I вв. до н.э. Это обстоятельство позволяет выделить признаки погребальной обрядности, связанные возможно с ранними сюнну (протосюнну) и тем самым наметить путь для разработки проблемы происхождения сюнну.

Анализ археологического материала показывает, что для памятников ранних сюнну должны быть характерны погребения в каменных ящиках, куда помещался деревянный гроб, т.е. захоронения, позднее типичные для рядовых сюннуских могильников.

Такой подход позволил наметить район, где первоначально могли обитать сюнну. Это степные и лесостепные районы юго-западной Маньчжурии, где в долинах притоков рек Ляохэ, Лаоха-хэ и Луаньхэ обнаружены в последнее время несколько особых погребальных памятников скифской культуры VIII-IV вв. до н.э. Эти памятники обладают как раз теми признаками, которые в III-I вв. до н.э. проявляются именно в памятниках рядового населения сюнну. При этом некоторые категории инвентаря аналогичны сюннуским, а другие можно рассматривать как исходные для развития соответствующих типов сюннуских изделий.

Историческая судьба самих сюнну остается неясной до настоящего времени. Многие исследователи считают, что сюннуские завоевания дали толчок "великому переселению народов" - длительному процессу миграций скотоводческих племен, в результате которого потомки сюнну под именем гуннов могли появиться в Европе. Однако данные археологии как и анализ письменных источников показывают несостоятельность этой версии. Наиболее

вероятно, что сюнну с утратой своего влияния во II-III вв. н.э. постепенно ассимилируются в среде своих соседей, скотоводческих племен сяньби, ухуань, гаогюй и др.

Сюннуские завоевания привели к крушению центральноазиатских племенных союзов скифского времени, к интенсивному перемещению больших масс населения, к активному взаимодействию различных культурных традиций и тем самым к существенной трансформации антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Тем самым эти завоевания оказали огромное влияние на ход исторических процессов в азиатской части степного пояса. Именно в эпоху сюнну складывается основа для новых объединений эпохи раннего средневековья - жуаньжуаней, тюрок, киданей - сыгравших столь же значительную роль в истории этого огромного региона и во многом определивших этническую ситуацию на востоке степного пояса в новое время.

Э.Б.Валецкая

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР МИНУСИНСКОЙ
КОТЛОВИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ
СТЕКЛЯННЫХ БУС)

Наиболее тесные торговые связи у жителей Минусинской котловины (Западное Присаянье) были с населением сопредельных территорий (Алтай, Тува, Западная Сибирь), а не с далекими от них странами. Об этом свидетельствует трудность переходов по горным лесным саянским тропам и высоким заснеженным перевалам, красноречиво описанная учеными-путешественниками и российскими чиновниками XPI-XIX вв. Сибиряки же их легче преодолевали, используя на разных участках пути то коня, то берестяную лодку, то лыжи. На много месяцев в году Саяны все же изолировали внутренние районы Южной Сибири от Тувы и Алтая, но оставался открытым проход из Западной Сибири через Ачинско-Маринскую лесостепь - основной путь для торговли и миграций. Однако археологические следы контактов неравноценны: о внутренней сибирской торговле малочисленны, а о дальней - их много. Объясняется это легкостью распознавания "заморского" импорта и сложностью определения местного. У близких по культуре сибиряков были схожие предметы быта (кроме этнических-типа керамики, предметов культа),

которые изготовлялись из одинакового сырья. Различить их удается редко. Так, в частности, по составу бронзы определены среди минусинских подделок несколько хуннских поясных блях, вывезенных либо из Монголии, либо из Забайкалья. Но даже в пределах одной территории использовали различную технологию при выплавке металла. Например, для карасукских минусинских изделий установлено уже три типа сплавов, поэтому отличающиеся от них комплексы (Бейская шахта) могут быть не импортом, а еще одним вариантом местной металлургии. Изделия из далеких от Саяно-Алтая стран отличаются как по характеру, так и по сырью, из которого сделаны. Но раньше, как правило, фиксировали только китайские вещи и раковины каури, а стеклянные и каменные бусы оставались неопределимыми по происхождению. Теперь же, после первых химических анализов стекла минусинских бус, проведенных В.А. Галибиным, выяснилось, что они происходят из Индии, Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Предварительный анализ минусинских импортных коллекций позволяет наметить их следующие особенности. Во-первых, китайский импорт отличается от другого своей устойчивостью и широким ассортиментом. Это полихромные ткани, лаковые изделия, монеты, зеркала, пряжки, стремена, украшения конской упряжи, плуги и т.д. Импорт из других стран однороден — бусы и ювелирные изделия. Индийские бусы представлены сначала сердоликовыми с вытравленным орнаментом, а позже — фиолетовым бисером. Бусы, изготовленные по западному рецепту (содовое стекло) наиболее разнообразны, в них много типов бус, аналогичных памятникам Северного Причерноморья, и они разделяются на одноцветные, полихромные, глазчатые, с золотой прокладкой. Самые ранние античные бусы — янтарного цвета. Кроме того, известны античные ювелирные украшения, которых особенно много в кладе у с. Знаменка (левый берег Енисея). Больше всего бус, изготовленных по восточному рецепту. Они происходят из мастерских Ближнего Востока (Иран, Персия), но некоторые по составу сырья могли быть и из Средней Азии. Бусы одноцветные, преобладают голубые и синие. Имеются по типам, близкие к бусам Северного Причерноморья: нерасчлененные, с валиками по торцам (катушкообразные), с золотой прокладкой. Не найдено аналогов нерасчлененным бусам с серебряной прокладкой. Самыми ранними являются бирюзовые биконические бусы, пронизи, а также бусы с желто-черными "нарисованными" глазками.

Каменные бусы в могилах немногочисленны: сердолик, зеленый нефрит (Забайкалье), белый нефрит (Восточный Туркестан?). Но их географию расширяют бусы из Знаменского клада, где, кроме сердоликовых и нефритовых, собраны бусы из розового коралла, агата, бирюзы, янтаря, одна гагатова и несколько жемчужин.

Во-вторых, китайские изделия встречаются как в комплексах с другим импортом, так и отдельно. А украшения из разных стран в коллекциях всегда смешаны. И постепенно число стран, откуда они поступали, увеличивается. Так, в ранних коллекциях сочетаются стеклянные бусы из стран Ближнего Востока, сердоликовые и имитации раковин каури. Потом к ним добавляются индийские сердоликовые и античные стеклянные янтарного цвета. Позже, античные бусы становятся разнообразными, а индийские сердоликовые заменяются фиолетовым бисером. Таким образом, в погребальных комплексах можно встретить бусы из 2-3 стран. С учетом же каменных бус и китайского импорта привозных изделий еще больше. Но бусы из Индии, Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья не только положены в одну могилу, но и нанизаны на общую нить. Следовательно, лишь с Китаем существовали прямые торговые контакты, а импорт из западных стран и Индии поступал, видимо, через посредников, либо из международных торговых центров. Последнее вероятнее. Около 10 тысяч стеклянных бус из разных стран найдены в Знаменском кладе.

Торговые города, ближайšie к Саянам, во II в. до н.э. - II в. н.э. были расположены в северной части Восточного Туркестана. За контроль над ним, как и за другими отрезками Шелкового пути, вели войны хунны и ханьцы. Те и другие поочередно занимались выгодным для себя торговым посредничеством. Оттуда вывозили товар из разных регионов в Сибирь в обмен на пушнину. Неясно, где были до этого времени торговые рынки и поступали ли из них украшения на Енисей. По принятым условным датам такие украшения впервые появляются в тагарских могилах IV-III вв. до н.э. Но, по всей видимости, именно бусы позволят внести уточнения в абсолютную хронологию минусинских памятников хунно-сарматского времени. И, очевидно, в сторону их омоложения. Во всяком случае, некоторые из курганов, ныне датировемых II-I вв. до н.э., безусловно моложе, т.к. в них обнаружены типы среди-

земноморских бус, которые начинают изготавливать в мастерских Северного Причерноморья только с рубежа н.э.

Таким образом, прямых торговых связей население сибирских глубинок с западными цивилизациями не поддерживало.

С. А. Яценко

ПРОЦЕСС ОСЕДАНИЯ КОЧЕВЫХ АЛАНОВ В ПРИАЗОВЬЕ
В СЕРЕДИНЕ I-СЕРЕДИНЕ III В.Н.Э.: ГОРОДА И
КОЧЕВЫЕ СТОЯНКИ

В раннеаланское время процесс оседания европейских кочевников приобретает новый мощный импульс. Наряду с проникновением номадов в соседние греческие города Боспора, правители донской Алании, видимо, основали группу новых городов на рубеже I-II вв. н.э. (неизвестных Плинию, но упомянутых Птоломеем). Возможно, это было кратковременной компанией (сравни - у Ктесия: основание городов царицей саков Заринеей). Вероятно, большинство населения в них составляли зависимые земледельцы и ремесленники.

Городища меотов-земледельцев у устья Дона и на Средней Кубани, видимо, находились в даннической зависимости от Алании. От них получали, в первую очередь, просо, которое было одним из основных видов питания и у "сарматов" / Клавдий Элиан, III, 39 / и у меотов / Плиний, XIII, 100 /. Вероятно, каждое нижнедонское городище контролировалось определенным аланским аристократическим родом / сравни - Дион Хризостом. Борисфенитская речь, 46 - о зависимости греческой крепости Алектор во 2-ой пол. I в.н.э. лично от жены вюрского царя Инисмея /. Это подтверждается тем, что могилы кочевых аристократов находятся в непосредственной близости к городищам (Дачи, кург. I - к Крепостному; Чалтырь - к Сухо-Чалтырскому) или даже в их некрополях (Кобяково, кург. IO). Не исключено "двойное" подчинение донских земледельцев в сер. I - сер. III вв. и аланам и Боспору. Никаких достоверных следов последнего у нас, впрочем, нет. Документируется лишь присутствие здесь греков (находки мраморных плит с греческими надписями в XIX в. на Темерницком, Поддзювском городищах и в с. Огурцовка).

Из городов, предположительно основанных аланами, следует назвать у Птолемея: на северном берегу Азовского моря - Гигреи, Агар, Акра и Лейан; на восточном - Азара; на Средней Кубани - Корусия и Эрбиапар в низовьях Дона - Наварис и Эксополь.

Столицей Алании можно считать крупнейшее на Нижнем Дону, малоизученное Темерницкое городище (Эски-Топрак-кале) в центре современного г. Ростова-на Дону, которое по координатам Птолемея (У, 8, 16) соотносимо с городом Наварис. Укрепленная часть этого города в 5 раз превосходит по площади соседний боспорский Танаис (по плану 1751 г. - 550x450 м). Она имела форму, близкую к прямоугольнику, и была защищена с двух сторон валами, и с двух - обрывами рек Дон и Темерник. Цитадель 315x210 м имела форму полукруга. Она была основана на поселении эпохи бронзы и скифского времени, мощность культурного слоя - до 4 м. У городища имелись пригороды, в том числе маленькое Ростовское городище в 1,3 км к востоку; античная керамика обнаружена и на противоположном берегу Дона. К востоку и северу располагался могильник, из которого целыми дошли лишь 3 погребения I-III вв. На городище в 1896-1905 гг. найдена серия мраморных плит с греческими надписями (самая ранняя датируется I-й пол. I в. н. э.) и около 40 античных монет, включая золотые. Самая ранняя - ауреус императора Клавдия (41-51 гг.), самая поздняя - медная боспорская Рескупорида VI (303-341 гг.).

Другим центром Алании I-II вв. на Среднем Дону было, вероятно, городище у хут. Батальщиков (Мигулинское), открытое архимандритом Амфилохием в 1864 г. По размерам оно примерно соответствует Танаису, по планировке напоминает римский легионный лагерь (квадрат около 210x210 м). У стен городища в 1864 г. найдено одно из богатейших царских аланских погребений (грунтовое). В начале 30-х годов памятник осматривался экспедицией ГАИМЭС, но осенью 1991 г. отряду Б.А. Раева не удалось обнаружить его следы.

Следует обратить внимание также на огромное городище у хут. Казачий Ерик на острове в Дельте Дона (культурный слой I-III вв. тянется вдоль берега на 400 м), которое никогда не исследовалось. Оно основано на месте поселения скифского времени и может отождествляться с островом Алопекией у Страбона.

Политически с Аланией связано среднее течение Кубани, где раскопан курган дружинников "Золотого кладбища". В районе Армавира Птоломей локализует город Сераку, который автор в 1992 г. сопоставил с крупным городищем напротив г. Армавира, исследуемом ныне С.Л. Дударевым. Армянские и грузинские источники подробно сообщают о легендарном маршруте на Северо-Западный Кавказ в 40-х годах I в. н.э., перед самым появлением аланов, апостолов Андрея и Петра. Судя по нему, столица Сиракского союза г. Успа (армян. - Фоспарон) находилась в том же районе, что и птоломеевская Серака, что позволяет их идентифицировать. С этим городом, вероятно, связаны погребения аланской аристократии I-II вв. /"Армавирская покупка" Эрмитажа 1904 г./.

Устье Дона и до основания городищ было местом зимних стоянок кочевников, которые с апреля уходили в глубь Степи /Страбон, УП, 3, 17/. Размещение зимников у границ степи с поймой позволяло обеспечить скот разных видов питанием, а семьи - топливом в галерейном "необозримом лесу", среди которого катится Танаис" /Дионисий Периегет/. В 1978-1980 гг. автором была выявлена разведками цепь из 6 стоянок I-IV вв. н.э. на участке придельтового Левобережья между городами Батайск и Азов, расположенных через 3-5 км, а также отдельные стоянки в Дельте и донской заливаемой пойме. Памятники Левобережья отделены от земледельческих городищ на другом берегу Дона полосой болот и мелких протоков в 5-7 км. Стоянки располагались на границе с поймой; в 0.4-1.0 км вглубь плато всегда находится небольшая курганная группа. Культурный слой отсутствует, горизонт находок на глубине 10-15 см от поверхности представляет собой фрагменты разнотипной керамики пережженных костей на местах более ранних стоянок эпохи бронзы (раскапывалась лишь стоянка Батай-2. И.В. Белинским). Они найдены полосой до 200-300 м на пологом склоне края 2-й надпойменной террасы, обычно у мелких пойменных протоков-ериков или озер. Небольшое возвышение, избранное для стоянки, не приметно неопытному глазу. Однако, из века в век на "родовой холм", овеянный многими преданиями в кочевом фольклоре, каждый октябрь, судя по этнографическим данным, возвращались люди определенного аила - группы, насчитывавшей несколько родственных семей.

На лето аилы откочевывали вглубь степи или вверх по Дону, где стоянки располагались иначе - в глубине балок (Хоринка), на небольших водоразделах у древних курганов (Сладковка) или на мьсах степных озер (Ханата).

Б.А.МЕШКЕРИС

ЕВРАЗИЙСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОЙ ПАРФИИ

Разнообразный иконографический материал из археологических раскопок музыкальной культуры Восточной Парфии (музыканты, танцовщицы, персонажи театрализованных действий, изображенные в глине, металле, костяных предметах) и письменные источники (сведения античных авторов, арабоязычные и персоязычные трактаты крупнейших ученых энциклопедистов) дают яркое представление о высокой степени развития музыкальной культуры Парфии. Ритоны Нисы, хотя и спорные по происхождению (М.Э.Массон и Г.А.Пугаченкова, Г.А.Кошеленко считают их парфянскими; Р.Гиршман, Т.В.Щербакова, Т.В.Сергеева, П.Бернар - гандхарскими), так или иначе свидетельствуют о восприятии греческой музыкальной культуры ранними аршакидами. Восточно-эллинистический синтез инструментария, запечатленный на нисийских ритонах, нашел отражение в терракотах Западной Парфии (Селевкии на Тигре, Варки, Ниппура). Античные источники (Геродиан, Плутарх) приводят перечень музыкальных инструментов парфян: флейта, труба (иконографически установлено, что она была изогнутой формы), барабан (военный, издававший устрашающий звук) и угловая арфа самбука. Знаменательно, что "азиатская" кифара (Страбон) изображена на обороте серебряных монет парфянских царей (Зрипата). Особое место занимали ритуальная и дворцовая увеселительная музыка, сопровождающая зрелищные танцевально-акробатические представления (ольвийские костяные пластинки). В сохранившихся археологических находках зрительно оживает искусство менестрелей (поэтов, певцов, сказителей, музыкантов), процветающее при дворах парфянской знати (Мэри Бойс), которое впоследствии достигло своей вершины в творчестве знаменитого музыканта Борбарда - уроженца Мерва. Таким образом формирование высокоразвитой музыкальной культуры Парфии было многофакторным, основан-

нъм на взаимодействию ориентальных компонентов и эллинистических эталонов.

Процесс освоения эллинистических традиций в музыкальной культуре Парфии на раннем этапе может рассматриваться как всеобщий. Если раньше исследователи нисийских ритонов /М.Е.Массон, Г.А.Пугаченкова/, в основном, базировались на привлечении памятников музыкальной археологии самой Греции и Древнего Востока, то теперь открывается перспектива синтезированного изучения явления взаимодействия восточных и эллинистических тенденций в музыкальной культуре Средней Азии на местных материалах постахаменидской и парфяно-кушанской эпохи во всей совокупности. Изображения трансформированных греческих инструментов - кифары, лиры, сиринкса, авлоса нисийских ритонов обнаружены в других историко-культурных областях Средней Азии. В Хорезме, в слое IV в. до н.э. Кой-Крылган-Каль, найдена статуэтка музыканта с кифарой или сиринксом. Богата материалами эллинизированная Бактрия: бронзовая фигурка Силен-Марсия II в. до н.э., медная-эрот с лирой I в.н.э. (Тахти-Сангин), терракотовые статуэтки сатира (Старый Термез) и музыкантши (Шари-Бану) с длинноствольным авлосом (аналогичным авлосу парфянских ритонов, который отличается от короткоствольной двойной флейты музыкантши Айртамского фриза) и, наконец, статуэтки персонажей дионисийского культа Зар-тепе и Кампур-тепе с многоствольной флейтой Пана (сиринксом). Бубен-дойра, химваль также находят аналогии в Бактрии (терракота Барат-тепе, Айртамский фриз). Крылатый эрот с вертикальной флейтой парфянской пластинки из Ольвии неожиданно близок к эротам Тахти-Сангина и крылатому эроту - музыканту росписи Кучи Восточного Туркестана. Длинная нисийская лютня с каплевидной декой, аналогичная западно-парфянской (терракоты Селевкии на Тигре) не свойственны ни для греко-римского мира, ни для Средней Азии. Косвенно ее можно сопоставить с хорезмийской двухструнной лютней, которая, однако, сильно отличается от нисийской угловатым рубленным корпусом (Р.Садоков). Вполне убедительно утверждение И.М.Вязго-Ивановой о причастности скифов к появлению танбуровидного инструмента в античном мире (муза с пандурой). Таким образом не все инструменты, изображенные на ритонах, были переднеазиатского и эллинистического происхождения. Некоторые из них, видимо, веками существовали

в быту у скифских племен /Т.С.Вязго/, одной ветвью которых были протопарфии, пришедшие с севера из Скифии /Латышев/. Наряду со скифским элементом в музыкальном инструментарии нисийских ритонов прослеживается генетическая связь с архаической музыкальной культурой индоевропейской общности. Длинная искривленная труба, завершенная на конце мордой животного известна в кельтской среде и могла быть принесена в иранский регион миграционными арийцами /Дармер/. Однако индоевропейский элемент не является определяющим, т.к. ритоны представляют собой типичные восточно-эллинистические произведения. Таким образом, как показывает сопоставительный анализ, музыкальные сюжеты нисийских ритонов вписываются в общее русло взаимообогащающих процессов, происходивших на раннем этапе формирования музыкальной культуры эллинистического Востока.

Маргиана в отличие от Парфии не носит в музыкальной культуре следы эллинистических традиций: на скудном археологическом материале эта историко-культурная область представляется центром самостоятельного лютневого инструментария и погребальной обрядности, включающей элементы мусического искусства. На сотни терракот Глур-каль приходится всего лишь пять статуэток, опубликованных В.И.Пилипко. Две статуэтки воспроизводят двухструнную короткую лютню с округлой декой - видимо, лютню Бактрии, аналогичную трех и четырехструнной согдийской (терракоты Афрасиаба) и бактрийской (без обозначения струн - скульптура Халчяна). Проникновение короткой лютни на юг, вызванное усилением сако-парфянских тенденций в ареале восточно-эллинистических культур, прослеживается в бактрийско-индийском регионе (Тиллятепе, Ахичхатра).

Лютня третьей статуэтки музыканта в кушанском кафтане - гитарообразная, близкая по форме лютне Айртамского фриза и бактрийских статуэток Сариясия, Будрач. Этот маргианский образец свидетельствует о тесных контактах в области музыкального творчества в парфяно-кушанской среде аналогично охватывающих не только Парфию и Бактрию, но и Гандхару. Появление гитарообразной лютни среднеазиатского происхождения в росписи Восточного Туркестана (Мирана) связано с миграционным процессом. Продолжение традиций лютного исполнительства зафиксировано в лепной

статуэтке певца менестреля изображенного с двухструнным щипковым инструментом найденной в Эрк-каль У-УІ вв. н.э. От руки выполнена раннесредневековая статуэтка сидящего по-азиатски музыканта, играющего на смычковом инструменте типа рубаб, кобъза, гиджака (?), исследование которой может подтвердить концепцию музыковеда В.Бахманна о среднеазиатском происхождении смычковых инструментов /К.Назаров/. В Маргиане были известны индийские музыкальные инструменты (импортные гандхарские скульптуры музыкантов с дуговой арфой).

Представление о музыкальной культуре Парфии и развитии ее традиций существенно может быть дополнено исследованием памятников торевтики (предположительно парфянского происхождения) либо с изображением танцовщиц и музыкантов, участвующих в дионисийской процессии (Алкинское блюдо - А.П.Смирнов), либо музыкантов активно действующих вместе со жрецами в ритуальных придворных сценах (блюдо из Персии) вместе с Луковским блюдом представляет один из ярких образцов восточного серебра единого сериала прикладного искусства ираноязычного региона, близко связанного с маргианской художественной школой (ваза из Мерва). Особой страницей музыкальной культуры Восточной Парфии является иконографический материал, иллюстрирующий погребальную обрядность (пляски участниц церемониала - рельефный фрагмент оссуария Мунон-депе I-II вв. н.э., рисунок на оссуарии из Байрам-Али - III-IV вв. н.э. - Г.А.Кошеленко). Мусический характер парфянского погребального ритуала, как показывает аналогичный материал Западной Парфии (статуэтка из Луристана) и соседнего Хорезма (роспись на оссуариях Миздахкана и Ток-каль), представляет собой традиционный местный компонент обрядности, сохранившийся в консервативной национальной культуре народов Средней Азии (этнографические параллели - Кошеленко, Оразов, 1965).

Слияние двух художественных направлений, элитарной эллинистической Парфии и традиционной местной Маргиан, является особенностью музыкальной культуры Восточной Парфии.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР МАВЕРАННАХРА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РАННЕИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ (КОНЕЦ УП—начало XIII вв.)

Формирование новой религии ислама и мусульманского государства халифата от Испании на западе до берегов Инда на востоке, включая Среднюю Азию, глубоко изменило ход развития мировой цивилизации. Оно способствовало интенсивному взаимовлиянию культур населявших эту империю народов, в результате чего формировался особый исламский культурный комплекс. Историю культуры Среднего и Ближнего Востока раннеисламского периода можно разделить на три этапа. Первый этап (конец УП—IX вв.) время правления Омейядов и первых Аббасидских халифов. Для этого этапа характерной чертой мусульманской культуры является ее монолитность. Она выражается в следующих факторах: а) Единый центр правления при Омейядах в Сирии, при Аббасидах в Ираке; б) Единый государственный язык — арабский, господствовавший и в литературе и в науке.

Второй этап (конец IX—конец X вв.) характеризуется: а) Ослаблением центральной власти и возникновением новых иранских государств Буидов и Зияридов в Западном Иране, Тахиридов, Сафаридов и Саманидов в Хорасане и в Мавераннахре; б) Наряду с арабским появляются научные труды и на фарси-дари, а в поэзии целиком переходят на фарси-дари. Идет активная культурная интеграция на основе испанских стереотипов и местных традиций.

Третий этап (XI—нач. XIII вв.) время тюрко-монгольских династий. Для этого этапа характерно: а) Политическая власть переходит в руки тюркских правителей (Газневидов, Караханидов, Сельджукидов); б) В это время в Мавераннахре и Хорасане язык фарси-дари, постепенно вытесняя арабский, завоевывает статус государственного языка; в) Наряду с арабским и фарси-дари впервые появляются научные труды, посвященные тюркскому языку (Махмуд Кашгарский). В целом, роль тюркского компонента в средневековой культуре более ощутима, чем позднее монгольского. Монгольский фактор был катастрофическим не только для мусульманской культуры, но и для средневековой культуры Восточной Европы.

В первом этапе (конец УП—IX вв.) наблюдаются тесные торговые и культурные связи Мавераннахра со странами Ближнего и

Среднего Востока. Важнейшим фактором, повлекшим глубокое изменение в духовной жизни местного населения, являлось распространение новой религии - ислама. В связи с внедрением ислама широко распространяются арабский язык и письменность. В денежном обращении общехалифатские монеты с арабской легендой постепенно вытесняют местные эмиссии. Большие перемены произошли и в материальной культуре. Появляются ранее неизвестные типы общественных и культовых зданий, такие как мечети, медресе, каравансарай и др. Важнейшим и замечательным нововведением следует считать распространение поливной керамики. Эта новая отрасль ремесла и в Иране и в Мавераннахре распространялась из Ирака во второй половине УШ в. Среднеазиатские гончары не только заимствовали готовые образцы, но и внесли много нового. Примером может служить поливная керамика IX-X вв. с белым ангобом и черно-коричневой росписью, распространенная в Хорасане и Мавераннахре. Она не встречается в западных областях халифата. Другим новшеством, начиная с сер.УШ в., примененное в архитектурном декоре Мавераннахра, является резной штук (дворец бухархудатов в Варахше), в дальнейшем резной штук дворцов правителей Термеза, Афрасиаба и Хульбука. Впервые в монументальных сооружениях Мавераннахра стали применять стекло в оконных решетках. В архитектуре Мавераннахра, начиная с эпохи ислама, стали широко использовать арабски различных почерков. Они стали неотъемлемой частью мусульманского архитектурного декора.

Вместе с тем, судя по сведениям письменных источников и археологическим данным мавераннахрские элементы оказали большое влияние на материальную и духовную культуру западных областей халифата. Этот процесс особенно усиливается после прихода к власти Аббасидов, обязанных своей победой над Омеядами главным образом населению Хорасана. Многие представители знати этой области вошли в состав аппарата государственной власти. Достаточно указать на семью Бармакидов - выходцев из Балха и знаменитого афлине Хайдара из Уструшаны. Весомый вклад в духовную культуру ислама, особенно в науку, литературу и искусства внесли выходцы из Хорасана и Мавераннахра. Достаточно вспомнить имена известных ученых Абуали Сино (Авицена), ал-Хорезми ал-Бируни, чьи труды стали достоянием не только мусульманской культуры, но и мировой цивилизации. Достоянием всего человечества стали и

такие струнные музыкальные инструменты как гитара и лютня. Гитара, возможно, еще гораздо раньше проникла в музыкальную жизнь Европы из Среднего Востока. Согдийский струнный музыкальный инструмент уд в мусульманском мире известный как ал-уд под этим арабизированным названием стал знаменит в музыкальной жизни Европы как лауд или арабская лютня. Другим весьма важным явлением считается изобретение бумаги. Секреты ее изготовления самаркандскими мастерами были заимствованы у китайцев в сер. VIII в., после чего они постепенно распространили эту технологию на Ближний Восток. Затем, оттуда бумага распространилась по всей Европе.

В целом, уже в конце VIII в. формируется новая культура - мусульманская. Арабы, которые стояли у истоков этой культуры, в отличие от итальянцев эпохи ренессанса, с которыми их иногда сравнивают, никаких старых культурных традиций не возродили, хотя они и объединенные халифатом другие народы и восприняли традицию греческой науки. Напротив, они со своей новой религией, арабским языком и письменностью, стимулировали формирования совершенно новой культуры. Поэтому мусульманского ренессанса не было и не могло быть, и название известной книги А. Меца "Мусульманский ренессанс" по существу не соответствует познавательному содержанию термина.

О.И. Богуславский

ПРЕДМЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ (СВЯЗИ СО СКАНДИНАВИЕЙ)

Историческое прошлое Северо-Запада Руси весьма динамично и насыщено событиями. Не в последнюю очередь это связано с крайне оживленными международными связями этого региона. Наиболее интенсивными они были в Нижнем Поволжье, в округе древней Ладоги. Благодаря этому крупному центру в орбиту мировой торговли были втянуты многие регионы, в частности, юго-восточное Приладожье. Очевидно, что международные события эпохи раннего средневековья крайне разнообразны и они не могли не отразиться на характере торговли. Однако, если для Староладожского поселения существует целый ряд работ, рассматривающих этот круг проблем, то для юго-восточного Приладожья подобные

исследования немногочисленны. Этот вопрос несомненно заслуживает более масштабного исследования и не может быть решен в рамках настоящей статьи, поэтому, мы ограничимся рассмотрением некоторых проблем, связанных с так называемыми предметами "восточной торговли Скандинавских стран" - арабским монетным серебром и изделиями, поступившими на территорию Руси при посредстве скандинавов.

Изделия, поступившие при посредстве скандинавов, в период 860-890-х гг. представлены находками трехчастных удил, фибулами типа Я.Петерсен рис.235 и находками ланцетовидных копий с "готическим" орнаментом. Кроме того, на раннем этапе развития Приладожских курганов в их погребальной обрядности присутствуют элементы скандинавского происхождения. Влияние норманнов на приладожскую обрядность в целом, проявилось прежде всего в переходе к размещению захоронений прямо на основании погребального сооружения, а для некоторых районов - в знакомстве населения собственно с курганным обрядом.

В 890-920-е гг. вещи рассматриваемого круга становятся более разнообразны и количество их увеличивается более чем в два раза. Появляются другие типы фибул, а именно фибулы типов Я.Петерсен рис.27, 52, 58, 227. Однако, следует отметить значительное запаздывание фибул типа Я.Петерсен рис.27. В рассматриваемом периоде известны самые ранние находки мечей в погребениях. Это мечи типов V, M - особый и X. по Я.Петерсену. Кроме того, нужно упомянуть находки бронзовых ладьевидных браслетов типа Я.Петерсен рис.186, 189, а также, возможно, относящихся к скандинавскому женскому убору, железную шейную гривну. К этому периоду относится и первая монета, найденная в Приладожье - саманидский дирхем, дата чеканки которого определена только в рамках X в. В Приладожье известна серия монет, дата чеканки которых относится к периоду 890-920-хх гг., однако, их попадание в погребальные комплексы характеризуется определенным периодом запаздывания.

Период 920-950-х гг. можно охарактеризовать как время расцвета Приладожских курганов, когда количество памятников наибольшее, они крайне многообразны, а материальная культура представлена огромным количеством вещей находок. Скандинавские

изделия представлены, кроме уже упомянутых, фибулами типа Я.Петерсен рис.48в, 51а, 51в, 51с, 55, 71, II6, I20, I31, I95, 224 и браслетами типа Я.Петерсен рис.184, I52, а также составными бронзовыми браслетами и железными гризнами. Очень разнообразны предметы вооружения, к которым можно отнести копья типов F, G, H, K, топоры типов F, G, J, K, I, мечи типов E, H, I, T-2, V по Я.Петерсену. В погребениях коней найдены трехчастные удила. Количество вещей этого круга в 920-950-е гг. в несколько раз превышает общее количество скандинавских изделий, найденных в погребениях предшествующего времени. Количество монет в погребениях относительно невелико, по сравнению с более поздними временами. Однако, для погребений, совершаемых между 920-950-ми гг. характерен минимальный процент запаздывающих арабских монет, что отражает высокую интенсивность их поступления. Кроме того, на это время приходится максимальное количество дат чеканки кулических монет, что отражает состав денежного обращения. Видимо, большая часть арабского серебра поступила в Приладожье именно в этот период, однако, использовалась достаточно долго.

В 950-980-е гг. количество скандинавских изделий сильно сокращается и они становятся менее разнообразны. В погребениях этого периода встречены фибулы типов Я.Петерсен рис.51с, II6, 55, III, I28, 227, копья типов F и G, мечи типов Y, Z, V по Я.Петерсену, браслеты типов Я.Петерсен рис. I52, I84, I69 и составные бронзовые браслеты с замком. Видимо, со скандинавским костюмом связаны и находки шейных железных гривен. Почти в два раза возрастает относительное количество монет, попадание которых в инвентарь погребений характеризуется периодом запаздывания. С другой стороны, в несколько раз сокращается количество арабских монет, дату чеканки которых можно связать с рассматриваемым периодом. Таким образом, с уверенностью можно говорить о снижении интенсивности притока монетного серебра на территорию юго-восточного Приладожья.

Количество вещей рассматриваемого круга в 980-1020-е гг. сокращается еще больше и к ним могут быть отнесены только несколько круглых литых фибул типов Я.Петерсен рис. II6, II7 и бронзовые литые лаптевидные браслеты с застежкой. Железные

шейные гривны также известны в погребениях, однако, уже вряд ли можно говорить о женском скандинавском костюме. Еще большая условность существует при отнесении к скандинавским изделиям секировидных топоров, аналогичных топорам типа М по Я.Петерсену. Видимо, в конце X в. или в начале XI в. начинается их производство на Руси, о чем свидетельствует их широкое распространение. В погребениях этого времени известна только одна арабская монета, достаточно быстро попавшая в состав погребального комплекса. Для всего остального арабского серебра характерен значительный период запаздывания, который в одном случае превышает полвека.

Число изделий, характеризующих связи приладожского населения в 1020-1070-х гг., достаточно невелико. К рассматриваемому кругу вещей безусловно относится только браслет, аналогичный браслетам типа Я.Петерсен рис.184. Видимо, именно эта находка является самой поздней вещью рассматриваемого круга и с ней связан наибольший период запаздывания скандинавских изделий в юго-восточном Приладожье. Новые монеты из восточных стран в Приладожье, видимо, также не поступали, поскольку здесь не известны диргеми с датой чеканки после 1012 г.

На наш взгляд, динамика изменения поступления предметов "восточной торговли Скандинавских стран" связана, в первую очередь, с изменением трассы и характера движения товаров по "Восточному пути". Период 860-890-х гг. характеризуется локализацией основной магистрали в бассейне р.Волхов, а попадание вещей рассмотренного круга следует отнести за счет тесных связей юго-восточного Приладожья с Ладогой. Период 890-920-х гг. можно определить как период относительного замедления движения по "Восточному пути" вообще, когда предпринимались попытки прохода как по рекам Ильменского бассейна, так и по рекам юго-восточного Приладожья. В 920-950-е гг. основная масса товаров и купцов, видимо, двигалась по рекам юго-восточного Приладожья, с чем и связано максимальное количество находок вещей рассматриваемого круга именно в это время. После 950-х гг. основной путь движения предметов Восточной торговли вновь связывается с Волховом. Юго-восточное Приладожье оказывается на периферии магистральной трансевразийской торговли, что ведет к постепенному сокращению привозных изделий вообще, и в частности -

скандинавских. Немаловажную роль в этом процессе сыграла и переориентация направления торговой активности скандинавов в 970-е гг. со стран арабского Востока на Западную Европу.

В.И.Козлов

ДРЕВНИЕ РУМЫНЫ И МОЛДОВАНЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА

Возникновение в первой половине XI в. Валашского и Молдавского княжеств, несомненно, было закономерным итогом социальной, этнической и культурной консолидации восточнороманских народностей в предшествующую эпоху. Изучение объективных условий генезиса культуры вlahов – предков румын и молдаван – требует комплексного подхода к решению проблемы атрибутики ее реальных компонентов. Идентификация этих важных компонентов, определявших парадигму и все многообразие социокультурного бытия восточнороманского населения со времени Великого переселения народов и до возникновения первых политических объединений – суть затрагиваемой проблематики.

Процессы взаимодействия и синтеза древних культур в Карпато-Дунайских землях уже отчетливо обозначились в середине и третьей четверти I тыс., о чем свидетельствуют неоднородность археологических памятников в Молдове, Трансильвании, Олтении, Мунтении и Добруджи. На них в равной степени обнаруживаются местные гето-дакийские и пришлые восточнославянские пражские и пеньковские компоненты. Дако-фракийские, восточнороманские элементы отмечаются в целом ряде культур V-VII вв. – Братей, Морешть-Банду-Ношлак, Костиша-Боташана. В последующие века местные элементы в материальной культуре как бы размываются и нивелируются, тесно взаимодействуя на западе с позднеаварской и венгерской, на юге – со славяно-болгарской и византийской, на северо-востоке – с восточнославянской, древнерусской и кочевническими культурами. Хорошо известно, что в раннем средневековье на этногенез вlahов наиболее интенсивным было влияние славян. Оно, вероятно, постоянно присутствовало не только в IX-X вв., когда левобережные от Дуная территории, включая Трансильванию и Банат были подвластны I Болгарскому царству, но также в периоды византийского господства в XI в. и существования II Болгарского царства. Не случайно, поэтому, первые

политические объединения вlahов в X-XIII вв. были оформлены в виде славянских "кнезатов" и "воеводатов".

Особое место в решении вопросов этно- и культурогенеза волошского населения занимают материалы культур Дриду и Рэду-кэнень. Неубедительные попытки увязать их генетически между собой и с достоверно молдавскими и румынскими памятниками XIV-XVI вв., длительное отсутствие должной межрегиональной координации исследований порождали альтернативные точки зрения, спекуляции и чрезвычайно запутывали историческую ситуацию.

Культура Дриду (балкано-дунайская, I Болгарского царства) распространяется к северу от Дуная в IX-X вв. В Трансильвании она ограничивается областью между г.Алба-Юлия и р.Себеш, а на северо-востоке - степной частью Днестро-Дунайского междуречья и течением р.Бук. Принципиально не соглашаясь с некоторыми авторами (Нестор, Захария, Бергу, Теодор) в оценке древнероманской принадлежности этой культуры в целом, полагаю, что восточные романцы могли привносить особенности в ее облик только в некоторых периферийных районах. Современное состояние изученности балкано-дунайской культуры позволяет поддержать точку зрения М.Компи на то, что под видом внешней однородности в ней скрывается серия локальных вариантов. К таким особенностям можно отнести распространение на территориях только к северу от Дуная отдельных типов посуды, элементов домостроительства, хозяйственных печей, устроенных за пределами жилищ, различия в погребальной обрядности. Довольно отчетливо такая специфика наблюдается в Трансильвании и, отчасти, в Мунтении и объясняется, как полагают исследователи (Анжел, Чугудян, Комма), проторумынским влиянием. Вместе с тем, основные создатели культуры Дриду-славяно-болгары. Ее памятники встречаются меньше всего на землях, где могло бы оставаться романизованное население и где письменные источники ранее всего фиксируют волохов к северу от Дуная. В это же время, присоединение к I Болгарскому царству Карпато-Дунайских земель создавало новые возможности для миграций и связей волошских общин. Предположительно, в X-XI вв. в Мунтении появляются этнопонимы - область "Влашка", "Влэсия" (страна вlahов), "Кодрул Влэсией" (лес в центральных областях Мунтении) и ныне существуют села с топонимами Влашка и Влэшкуца. Особо внимания заслуживает мнение, что "Влэсии" периода XI-XIII вв.

(в Трансильвании, Молдове и других местах) являлись не только этническими изолянтами в иноэтнической среде (подобно "Славиниям" на землях Византии), но и представляли собой автономные политические образования. Действительно, подвижные пастушеские волотские общины - катунь - видимо, нередко, вписывались своеобразными анклавами в более развитые социально-экономические системы раннефеодальных Балканских государств - Византии, Болгарии, Сербии, Венгрии и др. После распада I Болгарского царства политическая роль валашского фактора в регионе, вероятно, резко возрастает вместе с притоком новых переселенцев из Балкан в среду восточнороманского населения горной части Карпат. Письменные источники уверенно сообщают о волохах X-XIII вв. в Карпато-Дунайском регионе (ПБЛ, Венгерский Аноним и др.). Однако эти сообщения скудны и отрывочны, что неизбежно заставляет сосредоточить все внимание на археологических материалах, как на основном виде исторических источников по рассматриваемой проблематике.

Возвращаясь к данным археологии, необходимо подчеркнуть, что некоторые молдавские исследователи полагают, что балкано-дунайская культура (Дриду) продолжает свое развитие на территории Центральной Молдовы и в Запрутской Молдове продолжает свое развитие в XI-XII и, даже в XIII-XIV вв., получает свое отражение в 4-х, так называемых вариантах: 1) типа Калфа X-XI вв.; 2) типа Ханска X-XIV вв.; 3) типа Петруха XI-XIV вв.; 4) типа Стэнкауц XIV в. Сравнение указанных "вариантов" показывает, что несмотря на незначительную территорию, которую они занимают, они существеннейшим образом различаются по основным критериям археологической культуры от памятников культуры Дриду (кроме, естественно, типа Калфы и Этулии, принадлежность которых к Дриду у большинства румынских, болгарских и российских исследователей сомнения не вызывает), а также между собой. Приглашая к фундаментальному сравнительному анализу памятников и к открытой предметной дискуссии, хочу обратить внимание на следующие заключения по данному вопросу: обобщение типологических наблюдений над материалами сравниваемых культур, исходя из критериев цифровых пределов соответствия и сочетаемости типов по отдельным памятникам, для локального варианта - 100-50% совпадений, для культуры - 50-30% и для общности 30-20%,

разрешает утверждать, что памятники типа Рэдукэнь-Ханска - Хлинча II и памятники типа Калфа-Этулия-Дриду по своим основным характеристикам (территория, хронология, керамический комплекс, домостроительство и др.), не могут принадлежать не только к единой культуре или ее варианту, но даже одной культурно-исторической общности. На мой взгляд, создавшуюся в историографии путаницу, можно устранить лишь путем отказа от употребления термина "балкано-дунайская культура" для всех прочих вариантов, в том числе и для Рэдукэнь. Следует заметить, что румынские археологи, памятники Рэдукэнь не объединяют, может быть за единичными исключениями, с памятниками типа Дриду-Буков. По моему мнению, широкое распространение культуры Рэдукэнь именно в Прутско-Сиретском бассейне в XI-XII вв., несмотря на наличие в керамическом комплексе глиняных котлов (печенежско-половецкий элемент), указывает на ее вероятную принадлежность именно восточнороманскому населению. Находки котлов в слоях волочских поселений не противоречат и сообщениям письменных источников. Например, Никита Хониат сообщает о военном сотрудничестве волохов и половцев в конце XII в., а грамота венгерского короля Андрея II от 1224 г. упоминает "лес волохов и печенегов" в юго-восточной Трансильвании в области Фэгэраш.

Что касается памятников типа Стънкауцъ, Петруха, то их восточно-романская принадлежность более, чем вероятна. К XII в. в керамическом комплексе исчезают котлы и бочкообразные горшки сформированные из теста с примесью ракушки, имеющими мелкозубый линейный орнамент и массивный, скрученный в виде жгута венчик, что бытовали в XI-XII вв. Невозможность показать ретроспективную преемственность восточнороманской, в данном случае молдавской, керамики уводила многих исследователей от объективных выводов. Однако, подобная ситуация не должна быть атрибутирующим критерием. Мы знаем другие примеры весьма динамичной трансформации и в других балканских культурах: например, керамика I Болгарского царства уже не сопоставима с керамикой II Болгарского царства, хотя этническая принадлежность ее носителей очевидна.

Вместо заключения, необходимо отметить, что высказанные в данном сообщении соображения ни в коей мере не исчерпывают решение широкого спектра затронутых вопросов. Напротив, признавая конкретное участие древних румын и молдаван в формировании и взаимодействии раннесредневековых культур Карпато-Дунайского региона, а также учитывая огромный вклад прежде всего молдавских, румынских, болгарских, российских и других стран археологов в области затронутой здесь проблематики, хочу только подчеркнуть, что преследую главную цель - обратить внимание и призвать к компаративному и всестороннему изучению археологических культур региона.

А.Д.Столяр

НОВОЕ В СТАРОМ МАТЕРИАЛЕ

("миниатюрные" свидетельства исторического взаимодействия культур лесного неолита на мировоззренческой основе)

Под "новым" в археологии обычно подразумеваются значительные полевые открытия. Такое вещественное (иначе - физическое) основание науки представляет то археологическое сырье, которое в дальнейшем, в зависимости от степени аналитического обогащения, сублимируется к уровню исторического источника. При очевидности опережающего значения накопления материалов и связанной с ними документации, все же разрыв между этими "этажами" исследования нередко достигает такого интервала, что полевая "добыча" как бы становится самоцелью, а сами раскопки - формой самоутверждения археолога. Принцип бесконечности информации, заключенной в артефакте, больше принимается теоретически, нежели реализуется практически в атрибуции находки. Всем этим существенно ограничиваются возможности общепознавательной миссии археологии, т.е. раскрытия генезиса, природы и всего развития человеческого феномена до ступени цивилизации. Сейчас же обращение археологии к ее особо фундаментальным проблемам дополнительно актуализируется в качестве известной компенсации неизбежного сокращения объема, да и географии полевых изысканий в нашей стране.

Наш опыт ориентирован на выявление духовных факторов взаимодействия культур в общей перспективе первобытной эпохи лесного региона европейской России. Объекты сравнительного

исследования - две различные группы памятников, которые в силу стихийно углубляющейся специализации археологов, как правило, рассматриваются раздельно. Это - известные петроглифы Онежского озера и материальная культура волосовско-гаринского единства в процессе ее миграционного распространения в высокие широты. Аналитическая установка этюда нацелена на определение специфического резонанса в аборигенном монументальном творчестве Карелии подобной интеракции - многовековой и различно проявлявшей себя в варьирующих этно-социальных контекстах исторической летописи древнего Севера.

Широкая известность уникальных собраний петроглифов противоречиво уживается со слабостью их исследовательского освоения. Доминирующее изначально, с момента открытия стремление к их незамедлительному прямому и полному семантическому раскрытию привело к игнорированию научной программы источниковедческой подготовки памятника. А открывается такая программа задачей восстановления истории каждого творческого комплекса на условиях предельно доступной детализации всей картины его возникновения, развития и, наконец, финала.

В отношении петроглифов Онеги единственная инициатива такого анализа принадлежала А.М.Линевскому. Развитие этого начинания (введение генетического аспекта) и отчасти его коррекция приводит к схематической реконструкции истории грандиозного озерного пантеона. Удаётся выяснить, что прародителями первичной в собрании гигантской антропоморфной фигуры (т.н. "Беса" - 2.46 м) были деревянные идолы мезолито-неолитических культур лесного региона. Их фронтальная расстановка в таежных мольбищах (палеоэтнографическая реплика - Болванский мус на Вайгаче в гравюрах рубежа XVI-XVII вв. Я.Г.ван-Линсхотена и И.Масса). подготовила плоскостную композицию "Триадн" Бесова Носа. По согласующимся показателям большой величины, стиля (т.е. технике исполнения) и топографической привязки к этой начальной группе относится около 20 фигур. Небольшой центральный "зал" на Бесовом Носе и по-соседству два скромных филиала (Пери-Нос VI и "крыша" Пери-Нос III) - таков состав, вероятно, сложившегося на рубеже IV и III тыс. до н.э. и затем долго существовавшего в таком виде ядра святилища.

Этому буквально монументальному древнейшему пласту петроглифов, сосредоточенных на небольшом (до 1.5 км), но особо выделяющемся отрезке берега, контрастно противостоит более 1.000 малых петроглифов (данные "инвентаризации Б.Пойкалайнена). По размерам (в массе - от 10 до 30 см) они уступают предшествующим в десять, двадцать и более раз, отличаются также планиграфией, техникой выбивки, а частично - тематикой и отдельными композиционными построениями. Теперь десятками фигур насчитываются уже названные точки, возникают новые собрания, весь онежский пантеон энергично расширяет свою анфиладу и в северном, и в южном направлениях на общую дистанцию в 10 км. В этом развертывании святилища, явно на порядок повышающего свое значение, особо отчетливо проявляется отсутствие свидетельств эволюционной "миниатюризации" символов.

Налицо резкий разрыв между двумя этими отдельностями. Очевидно тяготение нового "калибра" петроглифов к произведениям малых форм первобытного творчества. Естественно складывалась гипотеза о том, что какое-то особое состояние родо-племенного сознания (интенсификация мифотворчества и умножение, а также усложнение его аудитории?) спонтанно выплеснуло на священные скалы тени тех образов, которые длительно генерировались в камерных скульптуре и гравировках.

Такое допущение оставалось очень предположительным до тех пор, пока не довелось обратиться к идейному потенциалу, оставленному более полувека назад нещожным интеллектном С.Н.Замятниным. В выполненном им своде миниатюрной кремневой скульптуры северо-восточной Европы он, отрицая спекулятивное толкование заимствований в древности, убедительно сопоставляет ее и петроглифы Онеги в качестве образов, близких по скрытой в них мифологической семантике и обрядово-функциональной роли. Бесспорность связей между этими, физически различными записями социальной мысли лесного неолита наглядно удостоверяется представлением в кремневой скульптуре ряда чрезвычайно специфических идеограмм, передаваемых также и онежскими петроглифами. К ним относятся некоторые антропоморфные фигурки (Уница и др.), лунницы (Волосово и др.), фигурка выдры (Изведово), а особенно, насыщенная предельной фантазией великолепное изображение птицы из прионежской Молдонь с непонятным, по замечанию С.Н.Замятнина,

вступом на спине (ключ дешифровки - в композиции плывущих лебедей на Бесовом Носе) и изображение животного с лунарным знаком на спине из Дуденево (аналог - петроглиф Пери-Носа VI).

Фигурные кремни являются уникальным мировоззренческим индексом археологических общностей лесного Поволжья - прежде всего, волосовской, а также родственных с ней гаринско-борской и юртиковской культур. Северо-Западный (иначе - центральный) вектор великой миграции этих племен (вторая половина III-начало IV тыс. до н.э.) достиг юго-восточного Прионежья (административно - юго-запада Архангельской области). Реальность отложения здесь археологической "морены" отмечена находками одиночных фигурных кремней (кроме Молдон, 4 экземпляра на озере Лача - В.В.Шевелев) и, много шире, таким массовым материалом как пришлак из волосовской прародинь необычная керамическая технология.

Ее особая черта - применение органической, выгоревшей при обжиге примеси. Это делало посуду пористой, легкой, но не обеспечивало ее большой прочностью. Если практичность такого способа не совсем ясна даже в отношении лепки горшков в волосовском эпицентре (там применялись темные болотные глины), то его живучесть в иных условиях озерного Севера может объясняться лишь стойкостью принесенной сюда этнокультурной традиции. Чистые комплексы с такой керамикой в Прионежье остаются неизвестными, в культурном слое она обычно встречается вместе с другой керамикой (ямочно-гребенчатой и др.), уступая ей по численности. О том, что такая смешанность отражает синхронность и, по крайней мере, в ряде случаев была следствием межэтнических связей говорит повторение подобного соотношения посуды в комплексах жилищ на стоянке Ильинский остров.

Так в археологической панораме восточного Прионежья прослеживаются те стадияльно и культурно-хозяйственно близкие "партнеры" (аборигены и мигранты), которые должны были осуществить "контакт" (термин Д.З.Бубриха) как необходимое условие широкого хода объединяющего этно-глобто-культурогенеза. В данном ареале такой сложный синтез осуществлялся в необычном темпе, очень динамично, формируя на обогащенной мировоззренческой почве новый пласт петроглифов в гигантски выросшем наскальном святилище. Механизм подобного ускорения обеспечивался сущностной

миссией "кафедрального собора" Прионежья. Проходившие в этих урочищах особо значимые в жизни северян межплеменные фестивали, вовлекавшие в свою сакрально-эмоциональную программу коллективы мигрантов, служили не менее значительным объединяющим катализатором, нежели экзогамные брачные связи. Конечным итогом творческого сплава в петроглифической "мастерской сознания" на Онеге явилась активизация всех форм этно-культурогенеза на новой ступени первобытного мышления, положившей начало выделению антропоморфной темы как доминанты сознания.

Е.Ю.Зуев

ОБРАЗ СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО ХИЩНИКА ИЗ IV СЕМИРАТНЕГО КУРГАНА (ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

Образ свернувшегося в кольцо хищника (СКХ), ставший с 1991 г. эмблемой ИИМК РАН, является одним из важнейших в ряду персонажей раннескифского звериного стиля. Вопрос о появлении данного образа в репертуаре скифского искусства решается исследователями различно. М.Н.Погребовая и Д.С.Раевский детально разработали версию переднеазиатского происхождения этого зооморфного символа. Его прототипами они предлагают считать некоторые изображения на луристанских бронзах, а также геометрические композиции предскифского времени типа костяных уздечных украшений из Зольного кургана. Дальнейшую историю этого мотива авторы гипотезы связывают с развитием традиции украшения бутеролей скифских мечей кавказского региона фигурками колачьих хищников, начиная от геральдической композиции типа бутероли из Зивие, через ряд промежуточных стадий "сгибания" хищника вокруг вертикальной оси кончика ножен и завершая ряд образом СКХ келермесского типа. Гипотеза М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского представляется мне весьма неудачной. Она вовсе не опровергает известного и ее авторам факта того, что разбираемый образ не имеет прототипов в искусстве стран Передней Азии. Материал, на котором построена гипотеза - это всего лишь близкие по времени бутероли ножен мечей, которые не образуют последовательного хронологического ряда, объясняющего процесс развития образа СКХ. Причем перенос этого образа с зооморфных бутеролей на другие предметы

авторы гипотезы не считают нужным объяснять вовсе. В то же время они уверенно настаивают на том, что все многочисленные (причем зачастую хронологически более ранние) образы СКХ из азиатской части Евразии "демонстрируют то тяготение к орнаментальной декоративности, которое выше было охарактеризовано как итог достаточно активного развития мотива", прослеженного на переднеазиатско-кавказско-причерноморских материалах.

Другая - центральноазиатская - гипотеза происхождения СКХ развивает идеи заимствования данного мотива из древнекитайской изобразительной традиции и переосмысления центральноазиатскими скифами образа свернувшегося в кольцо дракона в семантически близкий ему образ СКХ. М.Н.Погребова и Д.С.Раевский, возражая против этой гипотезы, ссылаются на отсутствие промежуточных звеньев между традиционной иконографической схемой свернувшегося в спираль китайского дракона и свернувшегося в незамкнутое кольцо скифского хищника. Однако после введения у нас в научный оборот Г.Н.Курочкиным изображений драконов на яшмовых пластинках из могилы Шу Хао в Аньяне, которая датируется самым концом II тыс. до н.э., где мы видим требуемую М.Н.Погребовой и Д.С.Раевским иконографическую схему, их возражения выглядят абсолютно несостоятельными.

Эволюцию образа СКХ раннескифской эпохи можно проследить, опираясь преимущественно на центральноазиатские материалы (яшмовые пластинки из могилы Шу Хао; изображения на ранних оленьих камнях Монголии; аржанская "пантера"; хищники с рукояти кинжала из могилы ЮИ в Наньшаньгене УШ-УП вв. до н.э.; золотые бляшки из Чиликта; бронзовая бляшка из Уйгарака; золотая бляшка Сибирской коллекции). Непосредственно к этой традиции восходят изображения СКХ из Келермеса. Причем, "развернутый" келермесский хищник также находит себе прототипы в китайских и среднеазиатских материалах (ранние чжоусские бронзы; петроглифы Жалтырак-Таша в Киргизии; гравировка на зеркале из кургана 21 в Уйгараке). К этой же скифской традиции восходят и некоторые детали СКХ из Зивие. Таким образом, хронологические и иконографические ряды убедительно доказывают, что зарождение и распространение образа СКХ были неразрывно связаны с формированием в Центральной Азии основного ядра раннескифской культуры, которая на рубеже УШ-УП вв. до н.э. была принесена на Кавказ и

в Переднюю Азию волнами стремительно продвинувшихся на запад кочевников.

Аргументом против первой гипотезы служил до недавнего времени и тот факт, что в составе саккызского клада¹⁶⁰ существуют и геральдическая бутероль и золотая бляха от навершия меча с изображением СКХ. Однако недавно М.Н.Погребова и Д.С.Раевский выступили с предложением считать этот предмет частью "позднего компонента в скифском пласте клада Зивие", датируя золотую бляху чуть ли не первой половиной V в. до н.э. В качестве аргументов они приводят, прежде всего, стилистическое отличие СКХ от остальных кошачьих хищников данного клада. К приводимому ими перечню различных деталей я бы добавил характерную особенность оформления плечевого выступа СКХ в виде головы хищной птицы, а также подчеркнул бы, что развернутый an face глаз животного живо напоминает китайскую изобразительную традицию. И все же я бы хотел также подчеркнуть, что целый ряд очень важных нюансов в трактовке головы СКХ из Зивие стилистически близок другим изображениям хищников саккызского клада (ухо - "копытце"; ноздри, выполненные в виде характерного завитка). Таким образом, в данном случае говорить о разительном стилистическом отличии образа СКХ от общей саккызской художественной традиции вряд ли возможно однозначно. Обосновывая поздний характер образа СКХ из Зивие М.Н.Погребова и Д.С.Раевский сопоставляют его с тем же мотивом на бронзовой бляхе конского убора из IV Семибратнего кургана - памятника середине V в. до н.э. Однако внимательное сравнение этих предметов показывает, что эти образы СКХ существенно отличаются. У них по-разному трактованы головы (различные формы ноздрей, глаз и ушей). Саккызский персонаж изображен с закрытой пастью, тогда как семибратний демонстрирует хищный оскал. Принципиально разнятся моделировка лап животных и трактовка плечевых выступов. В случае с семибратним образом мы можем уверенно говорить, что древний мастер пытался передать ритмичными складками на шее и туловище животного его шерсть, а не мускулатуру и ребра. Перечисленные различия позволяют сделать вывод о том, что СКХ из Зивие отличаюсь от остальных персонажей этого клада рядом деталей, все же не является стилистически идентичным образу СКХ из IV Семибратнего кургана. Хронологическая и стилистическая позиция

саккызского СКХ определяется, на мой взгляд, особенностью моделировки плечевого выступа в виде головы хищной птицы. Этот прием очень характерен для скифского звериного стиля, начиная с середины VI в. до н.э. В Предкавказье, которое в это время продолжало оставаться одним из наиболее важных центров скифского Евразийского мира, этот орнаментальный прием мы впервые встречаем в материалах Ульских курганов (ср. также бронзовую бляху второй половины VI в. до н.э. из Пьяновки в Поволжье). Таким образом, все сказанное о СКХ из Зивие только подрывает доверие к саккызскому кладу в целом, как эталонному памятнику ближневосточной версии происхождения раннескифского звериного стиля.

Полученные выводы заставляют вновь обратиться к вопросу об иконографических истоках семибратнего образа СКХ. Как известно, Э.В.Переводчикова выделила для V в. до н.э. в Прикубанье локальный вариант скифского звериного стиля, к которому относятся, прежде всего, семибратние персонажи. Для этого прикубанского варианта характерно также заметное влияние традиций искусства ахеменидского Ирана. В своих рассуждениях о близости СКХ из Зивие и IV Семибратнего кургана М.Н.Погребова и Д.С. Раевский объясняют это своеобразие существованием в V в. до н.э. двусторонних связей между Северо-западным Ираном и Западной Прикубаньем, оказавших вновь ощутимое влияние на формирование нового скифского звериного стиля ахеменидской эпохи. Но намеченная для V в. до н.э. переднеазиатская линия культурных связей не может все же объяснить целый ряд параллелей, прослеживаемых между семибратними мотивами звериного стиля и многочисленными образами Алтайского (пазырыкского) искусства. Намеченные еще С.И.Руденко и М.П.Грязновыми эти параллели были убедительно разработаны Л.С.Марсадаловым при решении задач построения относительной хронологии Пазырыкских и Семибратних курганов. В контексте этих сближений мне представляется возможным наметить иконографический ряд прототипов образа СКХ из IV Семибратнего кургана ("тигр" Башадарской колоды; бронзовая бляха из алтайского кургана - коллекция П.К.Урлова; бронзовая бляха из кург. 16 мог. Юстыд; бронзовый диск с городища Сарьбулун на оз. Иссык-куль; золотые пронизи с изображениями СКХ из иссыкского кургана). Перечисленные памятники хорошо

вписываются в цепочку археологических комплексов конца VI-первой половины V в. до н.э., связывающих регион Внутренней Монголии, Алтая, Семиречья, Южного Приуралья, Ставрополя, Прикубанья и Восточного Крыма (комплексы находок из Внутренней Монголии; курган Уландрыка, Юстыда, Пазырык; Новоселовский курган; Иссыкский курган; могильники в районе Пятимаров и Зилипповки; Ставропольский клад; Нимфейские и Семибратние курганы). Все перечисленные комплексы сближает однообразие погребального обряда и часть инвентаря, многие предметы которого, оформленные в зверином стиле, прямо перекликаются между собой. Весьма показателен и тот факт, что почти во всех комплексах этой цепочки памятников прослеживается связь их создателей с культурой ахеменидского Ирана (Пазырык, Пятимары, Зилипповка, Семибратние и Нимфейские курганы). Каков же мог быть исторический контекст появления в начале V в. до н.э. столь интересной цепи памятников, связавшей воедино три мощных очага культурной жизни (мир скифской культуры, ахеменидский Иран и северо-восточный форпост греческого мира - Веспорское царство)?

Исследования последних лет в области скифологии убедительно показывают, что на рубеже VI-V вв. до н.э. в Евразийской Скифии произошли какие-то важные и качественные изменения, целиком обновившие весь облик скифской ойкумены, превратившие одни традиции и создавшие новые. Работы А.Ю.Алексеева, К.К. Марченко, Ю.А.Виноградова отмечают, что этот перелом происходит где-то в диапазоне конца VI-первой трети V в. до н.э. При этом А.Ю.Алексеев, в качестве объяснения данного явления, предполагает возможность проникновения с востока в это время новой волны кочевников. Их постепенное продвижение на запад, в среде близких по укладу культур эпохи поздней архаики, делало это движение для нас долгое время практически незаметным, но в том, что оно происходило меня убеждает, в частности, проделанный поиск иконографических прототипов образа СХХ из IV Семибратнего кургана.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОГДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Находясь вблизи от центра Евразии, Согд был связан со всеми великими цивилизациями своего времени. Основные связи были заложены, очевидно, в древнюю эпоху, еще в период энеолита, когда собственно согдийский язык и согдийский народ еще не существовали. Уже тогда наблюдается переселение в долину Зеравшана жителей северных предгорий Копетдага и южных предгорий Гиндукуша. Обе группы хорошо прослеживаются в поселении Саразм (раскопки А.И.Исакова), особенно по керамике. На том же поселении обнаружена остролонная керамика, характерная для северного неолита. Несколько позднее в Саразм пришли люди из северо-восточного Прикаспия. Столь же отдаленные связи характерны для бронзового века, когда на среднем Зеравшане появляются памятники двух различных культурных групп: северо-восточной — андроновской и юго-западной — сапаллинской.

О Согда и согдийцах мы знаем только со времени Ахеменидов (VI—IV вв до н.э.), если не говорить о трудно датированных упоминаниях в Авесте. Вполне возможно, что сложение согдийской культуры в долине Зеравшана относится к доахеменидскому времени и произошло в VI—V вв до н.э. под эгидой Мидии. Это позволяют предполагать данные календаря, архитектурные традиции и отдельные находки таких художественных изделий как бронзовый сосуд из Фатнева. По массовой керамике Согд входил в восточноиранскую область, включавшую в VI—V вв до н.э. также Бактрию, Маргиану, Парфию и Хорезм. В конце ахеменидского периода в согдийской керамике появляются западноиранские элементы, свидетельствующие о начавшейся культурной интеграции. Важнейшим событием, во многом определившим пути развития согдийской цивилизации, было завоевание страны Александром Македонским в IV в. до н.э. В дальнейшем присутствие греков наблюдается в III в. до н.э. в Самарканде, но власть греков не была прочной. Не менее важным историческим фактом является обнаружившийся во время войн с греко-македонцами тесный контакт согдийцев и кочевников-саков. В дальнейшем взаимодействие оседлого и кочевничьего населения прослеживается на протяжении всей истории вплоть до нового времени. Видимо, жестокая война, граничившая с геноцидом, которую Александр вел в Согдиане, привела к выселению части согдийцев на восток и положила начало согдийской колонизации. Лингвистические данные свидетельствуют, что согдийцы уже в III в.

до н.э. добирались до столицы Китая. В первые века н.э. они играли важную роль в торговле шелком, а в начале IУ в. сложилась целая сеть согдийских торговых колоний в Восточном Туркестане и Северо-Западном Китае. Связи Согда с античным Средиземноморьем установились во времена Александра Македонского, а его связи с Индией засвидетельствованы надписями III-У вв в Караقرаме. Через Согд прошло одно из ответвлений Шелкового пути. Китайские фениксы засвидетельствованы на среднеазиатском золотом сосуде с эллинистическими мотивами декора, который хранится в Эрмитаже.

Согдийская цивилизация лучше всего известна нам в период раннего средневековья (У-УШ вв). В это время Согд представлял собой конфедерацию города-государств, в которой развивалась своеобразная народная культура. В его памятниках проявилась как местная основа, так и разнообразные воздействия соседних народов, имевшие место на протяжении более чем тысячелетней культурной эволюции. При этом связи с той или иной страной отразились преимущественно в той или иной сфере деятельности. Архитектура в наибольшей степени сохранила вплоть до УШ в. древневосточную традицию. В культовом искусстве в IУ-У вв иконография богов создавалась по эллинистическим моделям, к которым в У в. добавились иранские, сасанидские элементы, а в VI в. отчетливые признаки индийского иконографического искусства. В то же время светское изобразительное искусство было гораздо менее затронуто этими западными и южными влияниями. В нем отчетливо видны связи со степным центральноазиатским (вплоть до Южной Сибири) миром. В монетном деле до У в. сохранялась, постепенно искажаясь, эллинистическая традиция. Позднее в серебре стали подражать Ирану, а медь с УП в. лили по китайским образцам. Стекло УП - первой половины УШ вв обнаруживает почти полную идентичность со стеклянной продукцией омеядского халифата. Согдийцы, благодаря международной торговле и колонизационной деятельности, были связаны со всем культурным миром того времени. Согдийская колония в У в. существовала даже на Цейлоне. Согдийский текст найден в Японии.

Госписи Афрасиаба второй половины УП в. показывают, как воспринимали себя согдийцы среди других народов. В это время Согд находился под верховным суверенитетом Китая. Целая стена штредена китайским сюжетам, а на стене напротив входа среди посольств первое место отведено китайской делегации. На этой же стене имеется надпись, в которой содержится речь чаганиянского посла, заверяя-

шего самаркандского царя, что его можно не опасаться и что он хорошо осведомлен о самаркандских богам, а также о самаркандской письменности. Этот короткий и, казалось бы, малосодержательный текст имеет большое значение. По памятникам искусства мы знаем, что самаркандцы молились тем же богам, что и другие согдийцы. В этой надписи боги названы, как патроны Самаркандского государства. Упоминание о письменности в связи с богам заставляет вспомнить о храме, в котором хранилась книга законов. Таким образом, послы заверяли царя в своем уважении к Самаркандскому государству, его богам и законам. В согдийской метрополии, несмотря на то, что туда рано проникли иноземные мировые религии — буддизм, манихейство, христианство — граждане поклонялись божественным покровителям своего государства, входившим в местный зороастрийский пантеон.

Так обстояло дело в метрополии. В согдийских колониях в Семиречье, Восточном Туркестане влияние иноземных религий было гораздо сильнее. Произведения согдийской литературы, обнаруженные в Восточном Туркестане и Дуньхуане, включают немало христианских, манихейских и буддийских сочинений, в то время, как возможно зороастрийских текстов только два. Смена религии дала поддержку разрозненным племенам той или иной религии, участвовавшим в торговле по мелковому пути.

Если распространение чужеземных религий в Согде сдерживалось идеологией местных гражданских общин, то светская переводная литература широко распространялась. Пенджикентские художники VIII в. часто иллюстрировали те же сборники притч и басен, из которых брали притчи для проповедей манихейские проповедники, о чем позволяют судить сохранившиеся отрывки согдийских манихейских сочинений. Они иллюстрировали как согдийские, так и переводные эпические сочинения.

Согдийская цивилизация была обречена, когда в VIII в. согдийские города-государства были поглощены могущественной империей халифов. Согдийцы сменили веру, а затем и язык, только отдельные элементы их культурной традиции унаследовала новая исламская цивилизация, утвердившаяся в Мавераннахре и Хорасане в конце VIII—IX вв.

С.Н.Травкин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И МОНЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕССАРАБИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Территория Бессарабии в средние века находилась на перекрест-

ке взаимовлияний нескольких культурных макрорегионов. Это проявлялось во всех сторонах жизни населения края, в том числе в монетно-денежном обращении. Подобное положение сохранялось и после вхождения края в состав Молдавского феодального княжества. Монеты различных государств, как элементы культуры больших исторических провинций, входят в состав еденичных находок и кладов XV-XVI вв на территории Бессарабии. Рассмотрим, в качестве примера, один из кладов XVI в. из центральной Бессарабии.

В 1974 и 1976 гг А.А.Нудельман опубликовал клад, найденный у с.Леушени Хынчештского р-на Молдовы /АИМ 1974, С.214, Нудельман, 1976, С.99/. К сожалению, в публикации имеются неточности. Клад из Леушени 1963 г. находки хранится в Национальном музее природы и этнографии Молдовы /№ 4311-4331, 5519-6369 /^{инв. 12315}/. В состав клада, по материалам музея входит 923 серебряные монеты:

1. Россия: Иван IV (1534-1534) копейка - 1 экз. (№ 4311).
2. Молдавия: Иоанн Деспот (1561-1563) денарий 1563 г. - 1 экз. (№ 6069).
3. Венгрия: денарии - 799 экз.: а/ Матвей Корвин (1453-1480) послереформанный чекан 70-80 гг XV в. - 523 экз; б/ Владислав II (1490-1516) - 218 экз. в т.ч. 1500 и 1507 гг; в/ Людовик II (1516-1526) 1518 г. - 1 экз; г/ стертые денарии XV-XVI вв - 57 экз.
4. Османская империя: акче - 122 экз.: а/ Селим I (1512-1520) - 12 экз; б/ Сулейман I (1520-1566) - 35 экз; в/ Селим II (1566-1574) - 2 экз; г/ Селим (?) - 4 экз; д/ Селим (?) или Сулейман I - 30 экз.; е/ акче стертые - 39 экз.

По младшей монете клад может датироваться третьей четвертью XVI в. Он содержит чеканки 4 государств. Монеты молдавского господаря Иоанна Деспота (Гераклида) подражают венгерским денариям по весу, номиналу и типу изображения. Немногочисленные денарии этого господаря входят в хронологическую подгруппу молдавских монет 60 гг XVI в. Денарии Иоанна Деспота известны в 4 кладах на территории Бессарабии. Венгерские монеты являются самыми ранними относительно времени сокрытия клада, так как время их чеканки относится к XV - первой четверти XVI вв. Однако появление их в кладах второй половины XVI в. не было уникальным. Денарии Матвея Корвина, самые ранние в кладах, на землях к востоку от Карпат известны в 6 кладах второй половины XVI в. Денарии всех венгерских королей, имеющиеся в кладах, близки друг другу и чеканкам Иоанна Деспота по весу и монетному типу. Молдавские монеты и денарии Венгрии свидетельствуют о близости монетного дела Молдавского

княжества 60 гг XVI в. и Венгерского королевства. Монета Госсия по монетному типу резко отличается от всех других чеканок, представленных в кладе. Однако ее вероятно можно отнести к большой макрогруппе чеканок европейских христианских государств, известных на территории Бессарабии. Это объединяет ее с монетами Венгрии и Молдавии. Монеты Ивана 1У входят в состав 5 кладов XVI в. из Бессарабии. Монеты Османской империи являются свидетельством проникновения на территорию Бессарабии элементов культуры мусульманских государств. Они известны в 14 кладах XVI в., найденных в регионе.

Подобное разнообразие монет было вызвано особенностями взаимодействия культур на территории Бессарабии и в сопредельных землях. Во второй половине XV в. усилилась экспансия Османской империи в северном направлении. Мусульманский суперэтнос развернул наступление на своих восточных соседей. В результате был разрушен ряд культурных центров, произошла переориентация торговых и культурных связей. В частности на юге Бессарабии Килия и Белгород, в устье Дуная и Днестра, перешли под контроль Турции. Восточная часть Молдавского княжества, т.е. Бессарабия, была открыта для турецких и татарских набегов. Утрата причерноморских портов и военные действия нанесли тяжелый урон культуре населения княжества. Одним из проявлений этого были упадок и прекращение молдавской местной чеканки. Кратковременно возродившись в 60 гг XVI в. она потеряла свой оригинальный характер и стала следовать зарубежным образцам. Подобное положение вызвало приток монет из соседних государств. В рассматриваемом кладе можно наблюдать, что монетно-денежное обращение Бессарабии в XVI в. состояло из множества разнообразных элементов. Они отличались по источникам и путям поступления в регион. Монеты Молдавии и Венгрии могли поступать из Карпато-Прусского региона. Чеканки Османской империи в XVI в. могли приходиться из Добруджи и по Черному морю через порты на юге Бессарабии, принадлежавшие Турции. Русские монеты предположительно поступали в одном потоке с турецкими как по Черному морю или через причерноморские степи. Монетное обращение Бессарабии в XVI в. показывает противоречивый характер взаимодействия культур. Столкновения крупных политических образований приводили к разрушению отдельных элементов культуры (например, оригинальной молдавской чеканки). Однако после прекращения конфронтации разрушенные элементы быстро замещались дру-

гями, поступившими из соседних земель. Это приводило к пестрому эклектичному совмещению в монетном обращении и в целом в материальной культуре разнообразных элементов, поступивших из культурных систем, различающихся по времени, пространству и культурным традициям.

СОДЕРЖАНИЕ

В.М.Массон. Взаимодействие древних культур и цивилизаций как фактор исторического прогресса.....	5
М.В.Аникович. Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения ("археологическая культура", "путь развития", "технокомплекс", "историко-культурная область")..	8
Г.П.Григорьев. Единство Европы в первый раз: граветийский эпизод.....	12
Г.Ф.Коробкова. Формирование культурных традиций в условиях контактов историко-культурных регионов (на примере раннеземледельческих культур Ближнего Востока и Средней Азии поры мезолита-неолита).....	14
В.И.Тимофеев. О специфике взаимодействия культур мезолита - неолита в Балтийском регионе.....	18
Г.И.Зайцева, А.М.Микляев, А.Н.Мазуркевич. Хронологические аспекты освоения Двинско-Ловатского междуречья и эволюция археологических культур.....	20
Ю.А.Заднепровский. Взаимодействие культур и цивилизаций Средней Азии в эпоху поздней бронзы.....	25
Ю.В.Андреев. Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира.....	28
Ю.Е.Березкин. Амазония в контексте древней истории Нового Света.....	32
А.Я.Щетенко. Концепция культурно-хозяйственных зон Бендапуди Суббарао	36
Там Куанг Шон. Взаимодействие культур и прогресс в Южном Вьетнаме (по материалам культуры Донгнай).....	40
Д.А.Виноградов. Некоторые проблемы развития древнейшей цивилизации.....	43
В.А.Завьялов. Факторы прогресса в период среднеазиатской античности.....	44
В.П.Никаноров. Среднеазиатские катафрактары как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма.....	47
Г.Н.Курочкин. "Эра кентавра" в евразийской степной зоне и ее историческое содержание.....	51

Н. Ю. Кузьмин. Внешнее воздействие как один из факторов формирования, развития и трансформации тагарской культуры.....	57
А. Ю. Маретия. Взаимодействие ранних кочевников Азии и древневосточных цивилизаций.....	61
С. С. Миняев. Кочевники Азии и эпоха Сюнну.....	64
Э. Б. Вадецкая. Внешние связи древних культур Минусинской котловины (по материалам коллекции стеклянных бус).	66
С. А. Дценко. Процесс оседания кочевых аланов в Приазовье в середине III в. н. э.: города и кочевые стоянки.....	69
В. А. Мешкерис. Евразийские взаимосвязи в музыкальной культуре Восточной Парфии.....	72
Д. Абдуллоев. Взаимодействие культур Мавераннахра и Ближнего Востока в раннеисламскую эпоху (конец V в. – начало VIII вв.).....	76
О. И. Богуславский. Предметы международной торговли в Юго-Восточном Приладожье (связи со Скандинавией)...	78
В. И. Козлов. Древние румыны и молдаване в контексте взаимодействий раннесредневековых культур Карпато-Дунайского региона.....	82
А. Д. Столяр. Новое в старом материале ("миниатюрные" свидетельства исторического взаимодействия культур лесного неолита на мировоззренческой основе).....	86
В. Ю. Зуев. Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст).....	90
Б. И. Маршак, В. И. Распопова. Международные связи согдийской цивилизации.....	95
С. Н. Травкин. Взаимодействие культур и монетное обращение на территории Бессарабии в эпоху средневековья.....	97

CONTENTS:

V.M.Kasson	The interaction of ancient cultures and civilizations as a factor of the historical progres...	5
L.V.Anikovich	The researching of the lithic tools production and the paleolithic basic concepts ("archaeological culture", "rout of development" or "technocomplex", "cultural area"),,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	8
G.P.Grigorjev	The "Gravotian episode" as the first European unity.....	12
G.F.Korobkova	The forming of cultural traditions in the contact zones (as seen from the early farming of Near East and Central Asia).....	14
V.I.Tymofeev	On the peculiarity of interactions between the mesolithic and neolithic cultures in the Baltic area.....	18
G.I.Zaitseva, A.L.Miklyaev, A.N.Kazurkovich	The chronological problems of a occupation of the region Dvina-Lovat rivers and the evolution of archaeological cultures.....	20
Y.A.Zadneprovski	The influence of the cultures and civilizations of Central Asia for late Bronze Age.....	25
Y.V.Andreev	Regularity and chance in the process of an emergence of the earliest civilizations of Aegean.....	28
Y.B.Berezkin	The place of Amazonia in pre-colombian history of the New World.....	32
A.Ya.Stchetenko	Bendapudi Subbarao's conception of the cultural-economic zones.....	36

Phan Luang Shon	The interaction of cultures and the progress in Southern Vietnam (after material of the Dongnay culture).....	40
Y.A.Vinogradov	Some problems of the development of ancient Yemen civilization.....	43
V.A.Zavyalov	Factors of the progress for the period of the Central Asian antiquity.....	44
V.P.Mikonorov	The Central Asian cataphracts as a product of interaction between Western and Eastern warfare schools in the early hellenistic period.....	47
G.N.Kurichkin	"The era of centaurs" in the Eurasian step zone and its historical content.....	51
N.Y.Kuzmin	The outer influence as a factor of forming, development and transformation of the tagar's culture.....	57
A.Y.Karetin	The interaction of early nomads of Asia and ancient East civilizations.....	61
S.S.Linyaev	The nomads of Asia and Hsing-nu time.....	64
Al.V.Vadetskaya	The outer connections of ancient cultures of the minusinski valley (after collection of the beads of glass).....	66
S.A.Yatsenko	The process of the settling of nomad Alan in the Preazovje regions towns and nomad sites (I-III c. A.D.).....	69
V.A.Leshkeris	The euroasian interactions in the musical culture of the East Parthia.....	72

D.Abdulloev	The interaction of the cultures of Meverannakhr and the Near East in the early islamic epoch (late VII - XIII c. A.D.).....	76
O.I.Boguslavski	Antiquities of the international trade in the South-East Ladoga district (relations to Scandinavia).....	78
V.I.Kozlov	The place of the ancient Roumaniens and Moldavians in the interactions of early medieval cultures of the Carpathians-Danube region.....	82
A.D.Stol'ar	New information in old materials.....	86
V.Zuev	Image of rolled-up into a ring beast of prey from the IV th "Seven-brothers" burial mound (Iconographical sources and their historical context).....	90
B.Marschak, V.Raspopova	International relations of Sogd civilization	95
S.N.Travkin	The interaction of the cultures and circulation of coins in the Bessarabia region of the medieval epoch.....	97
Contents.....		101

Подписано к печати 1. 02. 1994г.
 Формат 30x42 1/8: Бум. лпсчая.
 Печать офсетная: Усл. печ. л. 7:
 Заказ №65 Тир. 300экз.

Петербургкомстат
 193376ул. Профессора Попова 39.

Подписано к печати 1. 02. 1994г.
Формат 30x42 1/16: Бум. писчая.
Печать офсетная: Усл. печ. л. 7:
Заказ №65 Тир. 300экз.

Петербургкомстат
193376ул. Профессора Попова 39.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

- Вып.1 Археологические культуры и культурная трансформация. Л.1991
- Вып.2 Северная Евразия от древности до средневековья (Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова). СПб. 1992
- Вып.3 Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991
- Вып.4 Новые открытия и археологические изыскания. СПб 1992
- Вып.5 Л.Я.Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб.1992
- Вып.6 В.Я.Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии (в печати)
- Вып.7 Г.Н.Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993 (издание осуществлено на средства автора)
- Вып.8 М.Д.Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб.1993 (издание осуществлено на средства А.Л.Хлобыстина)
- Вып.9 К.Х.Кушнарева. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. СПб.1993
- Вып.10 AD POLUS. Сборник статей памяти Л.П.Хлобыстина. Изд-во "ФАРН" СПб. 1993 (издание осуществлено на средства А.Л.Хлобыстина)
- Вып.11 Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч.1–III. СПб. 1993
- Вып.12 Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993

По вопросам приобретения «Археологических изысканий» обращаться: 191065, С–Петербург, Дворцовая наб., 18, ИИМК РАН, ком.217. Наталья Вадимовна Хвошинская, Ольга Алексеевна Щеглова.